

КРОКОДИЛ

№ 5
ФЕВРАЛЬ 1971

— К защите диссертации готов!

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

Ю. ЧЕРЕПАНОВ,
специальный
корреспондент
Крокодила

— И кто же ездит зимой в садоводческий совхоз? — удивлялись знакомые. — Снег да снег — больше ничего там и не увидишь!

Но я все же рискнул. Центральная усадьба совхоза имени Ленина — современный, благоустроенный поселок. Она расположена в 30 километрах от Москвы, по Каширскому шоссе. Яблоки и молоко — вот два хита, на которых стоит хозяйство. Причем обе основные отрасли отлично дополняют друг друга: в междурядьях молодых садов растут нормы для скота, а фермы поставляют для сада удобрения.

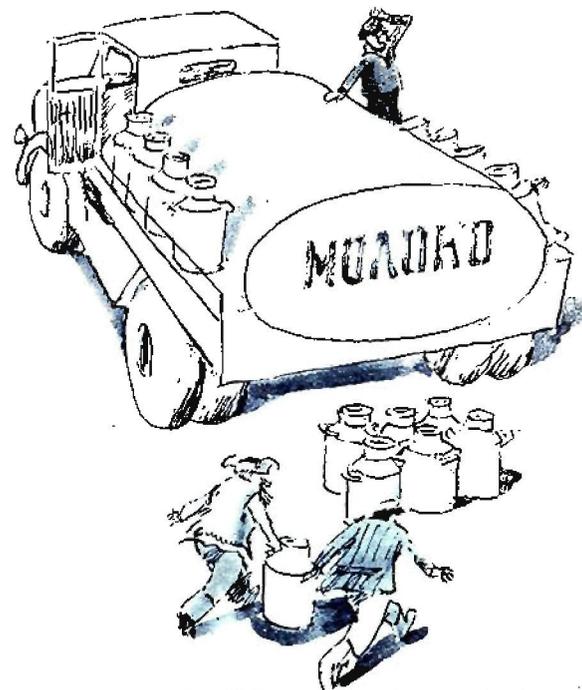
— Эх, яблочки! — задумчиво, но без горести говорит секретарь парткома совхоза Владимир Петрович Грищенко. — Много требует оно заботы и умения!

И яблочко получает все требуемое в достаточном количестве...

Будь я поэтом, я бы написал поэму. Будь я прозаиком, написал бы восторженный «подвал» в газету.

Можно было написать о том, как совхоз выполнил свою пятилетку, о перспективах роста — к 1975 году здесь будут собирать до десяти тысяч тонн яблок в сезон. О большой селекционной работе в совхозе и строительстве совхозного консервного завода — не мушкетерского, а высокомеханизованного, на 4 миллиона банок. Об испытании новой доильной установки «Комсомолец» и новом культурном центре совхозного поселка. И уж, конечно, — о замечательных людях совхоза. Таких, как знатный пахарь Винтор Антипов, завоевавший недавно почетный приз — Серебряный плужок, или Прасковья Кавардак — одна из первых наших трактористок, возглавляющая ныне отделение совхоза. А сколько здесь прекрасной молодежи!

Но, увы, я не поэт и не писатель. Я художник, а поэтому о совхозных делах хочу рассказать в рисунках.

СВЕРХПЛАНОВЫЙ НАДОН

Ферма «Слобода».

ЯБЛОЧКИ ТРЕБУЮТ ДЕЛИКАТНОГО ПОДХОДА

Пульт управления сортировочным цехом.

ПОСЛЕДНИЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ

Культурный центр совхозного поселка.

Бабкен КАРАПЕТЯН

Паук

Знает этот факт не каждый — Кто слышал, кто не слышал: Простудился зав однажды, А точнее — зачихал. Вывиши рядом некий Жора, Парень чуткий, разбитной, Без излишних разговоров Шефа проводил домой, Как умелая сиделка, Положил на лоб компресс, На живот и пятки — грелки, Повернулся и исчез...

Тут, придя в себя немножко, Обалдевшая жена Стала номер «неотложки» Набирать, забот полна. Но едва сказала слово В аппаратик голубой, В двери Жора входит снова И врача ведет с собой, От чудес таких, признаться, От событий от таких Рты открыли Домочадцы.

А закрыть забыли их. Зав тепло глядит на Жору: — Не волнуйся, не беда. Отлежись и вновь в контору Я прибуду, как всегда...

...Все — на службу человеку! Взяв рецепт из рук врача, Жора — молнией в аптеку, Заклинанья бормоча... — Жора, ты!.. Принес!.. Так скоро!.. И микстуру!.. И настой!.. — Вы больны, и вся контора Стала круглой сиротой!

Зав заскромничал: — Пустое... Но жена восхищена. — Что за сердце золотое! — Спела пташечкой она.

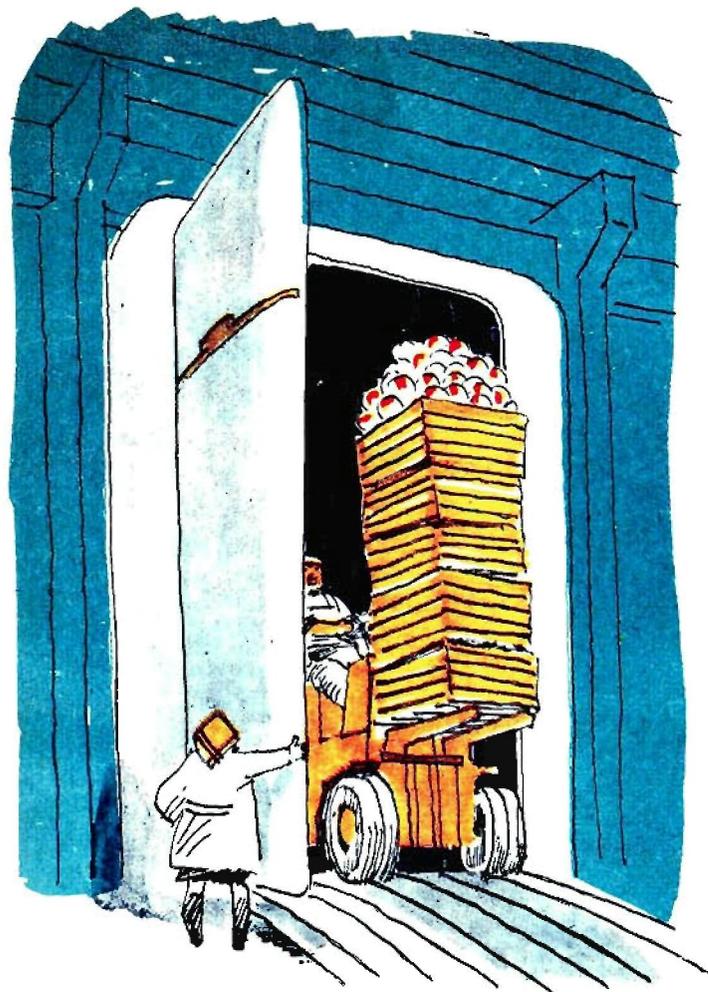
Ей ответил Жора с ходу: — Нам ваш муж на счастье дан! За него — в огонь и в воду, Хоть в Севан, хоть в океан!

...Сколько дел отнюдь не праздных Без начала и конца, Всяких дел разнообразных У пролазы и ластеца! Небывалые обновы, Просто так, не за рубли, Достает со дна морского, Достает из-под земли. И с рассвета до заката, Став роднее всей родни, Любит зава, словно брата. Даже в выходные дни!

Домочадцы Жоре рады И, как видно, потому

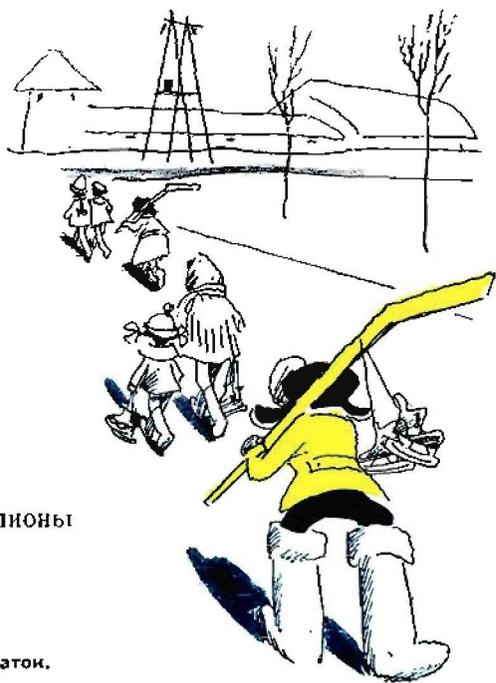
Ю. АНДРЕЕВ, В. БЕЛОВА,
специальные корреспонденты Крокодила

ЖИЗНЕННО ВАЖНЫЙ СУФФИКС

СВЕЖИЕ ЯБЛОКИ — К СТОЛУ

Холодильный цех.

ВУДУЩИЕ ЧЕМПИОНЫ

На совхозный каток.

Жора делает доклады
Заву прямо на дому.
А в ответ начальник лично,
Не считая хвалу за труд,
Вдохновенно, энергично
Хвалит Жору там и тут...

Время шло,
И в результате
Как-то среди бела дня
Жора крикнул:
— Точка! Хватит!
Замом делайте меня!
Зава словно онатили...
Онемела вся семья...
— Жора, милый, это ты ли!
Жорж ответил:
— Это я!
У меня свои расчеты,
Помню все наперечет,
Надарил я вам без счета,
А сейчас представил счет!

Зав моргает да и только,
Но — ни слова, ни гу-гу,
Открывает рот без толку,
Как карась на берегу...

...Жора наш теперь —
фигура:

Властный голос,
Строгий нрав.
Жора — зам. Но лишь де-юре,
А де-факто Жора — зав.
Всех подряд не принимает,
И не смеете докучать.
Он решает, повышает
И рукой своей сжимает
Штамп и круглую печать!
Зав грустит не без причины:
«Подделом мне, дураку!
Так попасться в паутину
К подхалиму-пауку!»

Перевел с армянского
Мих. ПАСКАТОВ.

Нам хорошо. Вот мы пишем и знаем,
что этот фельетон перед публикацией
прочтут по крайней мере человек десять,
не считая корректора. И ни одной грам-
матической ошибки, конечно, не останет-
ся. Разве что незамеченные опечатки, ко-
торые, как правило, вкрадываются редко
и по вине типографии.

Поэтому мы пишем смело и уверенно.
А как быть, допустим, кадровику, ко-
торого еще не коснулась всеобщая обяза-
тельная средняя грамотность? Как ему,
бедняге, быть, ежели после него никаких
редакторов и никаких корректоров?

Кадровик пишет не фельетон, который
за милую душу можно опровергнуть. Ка-
дровик делает запись в трудовой книжке,
которую (запись) никто опровергнуть не
сможет. Отныне и присно и во веки ве-
ков.

А владелец книжки страдает.
Он страдает не сразу. Владельцу недо-
суг заглядывать в свою трудовую книжку,
а тем паче в свое будущее. Он себе паяет
оловом и не думает о том, что в это самое
время малограмотный кадровик из своей
конторки подбрасывает ему мину замедлен-
ного действия.

Ибо ровно через восемнадцать с поло-
виной лет, когда жизненные пути приве-
дут владельца книжки в Калининский рай-
собес города Ленинграда, мина взорвет-
ся. И тогда...

— Нет-нет, — замашет руками инспек-
тор райсобеса, — пенсия вам, гражданин,
не положена. У вас, гражданин, стажа нет.
Идите, гражданин, работайте дальше.

Кандидат в пенсионеры еще не ощущает
масштабов постигнутого его бедствия. Он
еще пытается улыбаться и даже шутить,
наивно полагая размягчить суровое серд-
це инспектора собеса.

— Это вы, девушка, смеетесь. У меня
стаж вредного производства десять лет.
Слава богу, хватает на льготную пенсию.

— Я вам при исполнении обязанностей
не девушка, — отрезает инспектор и отсы-
лает кандидата к заведующему райсобесом
товарищу Никипировичу.

Товарищ Никипирович неприятно пора-
жен.

— Мне непонятно, чего вы хотите, —
удивляется Никипирович. — Может быть,
вы хотите, чтобы я нарушил закон?

Ничего такого кандидат в пенсионеры
не хочет. Он желает только одного: что-
бы ему как паяльщику, проработавшему
в этом качестве десять лет, дали льгот-
ную пенсию.

— Паяльщику? — вновь изумляется зав-
райсо. — Да какой вы паяльщик?! В тру-
довой книжке синим по белому написано:
пай-щик. А пайщиком мы, извините, не
платим. Пайщики — это в жилищкооперати-
ве. И в сельпо. А у нас социальное обес-
печение. Улавливаете разницу?

Кандидат улавливает, но еще сопротив-
ляется.

— Так ведь ошибка это! Описка, мож-
но сказать. Никакой я не пайщик. Я па-
льщик. Оловом.

— Ваши слова к делу не пришьешь, —
скатывается на стереотип товарищ Ники-
пирович. — Мне документик нужен. Ясно?
Паяльщику ясно. И он садится в ав-
тобус, едет на свой завод, где берет
справку о том, что «запись в трудовой
книжке от 6 декабря 1951 года неправиль-
на, так как на заводе работали и рабо-
тают только паяльщики и специальности
«пайщик» не было. Зам. директора по
кадрам Сергеев».

— Ну и что? — не отступает товарищ
Никипирович. — Мало ли что не было.
Мало ли что Сергеев. Это мне не доку-
мент.

— А что вам документ? — нервничает
похудевший кандидат в пенсионеры.

Но заврайсо не склонен вдаваться в
объяснения. Пенсионеров много, а он
один. Пенсионерам делать нечего, а зав-
райсо осуществляет и решает. Не мешай-
те ему решать, выйдите, пожалуйста, в
коридор.

Паяльщик отправляется на завод вдру-
горядь и идет к предзавкома Ермилову и
председателю комиссии по социальному
обеспечению Бабурику. Те возмущаются и
пишут товарищу Никипировичу длинное
послание, в котором подробно описывают
трудовую деятельность Г. Н. Кононова.
Сообщают, что в приказе, изданном в де-
кабре 1951 года, и в трудовой книжке до-
пущена ошибка. Профессии пайщика на
заводе никогда не было. Больше того, в
действовавшем тогда на заводе тарифно-
квалификационном справочнике министр-
ства указана специальность ПАЯЛЬЩИК.
А при введении новой тарифной сетки в
1960 году Кононову Г. Н. установлен 3-й
разряд сдельщика на горячих работах по
специальности ПАЯЛЬЩИК, о чем сдела-
на соответствующая запись в трудовой
книжке.

В подтверждение сказанного Ермилов и
Бабурик прилагают копию производствен-
ной характеристики от 8 сентября 1955 го-
да, копию расчетной книжки № 2545 и ко-
пию профсоюзного билета № 1597582...

Но товарищу Никипировичу, очевидно,
уже надоело возиться с нудным пайщи-
ком-паяльщиком. Товарищ Никипирович
ставит вопрос на обсуждение комиссии по
назначению пенсий при Калининском
райисполкоме. И комиссия обсуждает. Как
она обсуждает и какие горячие споры при
этом возникают — нам неизвестно. Нам из-
вестен результат:

«В назначении пенсии по старости на
льготных условиях по списку № 1 гр-ну
Кононову Г. Н. отказать... Период работы
в качестве пайщика не может быть зачис-
лен в льготный стаж, так как профессия
пайщика списком № 1 не предусмотре-
на».

Кононов идет в горсобес и объясняет
ситуацию.

— М-да, — сочувствует заведующая пен-
сионным сектором тов. Чернышева. —
М-да. Но это, знаете, вопрос не простой.
Это вам кажется, что суффикс перепутали,
а ведь тут дело в принципе.

— Как же быть? — совсем теряется
бывший кандидат, а ныне жалобщик. — Что
же теперь делать?

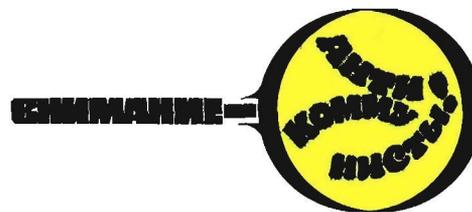
Товарищ Чернышева долго думает, а
потом предлагает отличный вариант:

— Значит, так. Ваш райсобес офици-
ально обращается к нам с письмом. Мы
получаем письмо и официально обращаем-
ся в Министерство социального обеспе-
чения. А министерство, в свою очередь,
официально обращается в Госкомитет по
труду и зарплате. Пусть Госкомитет даст
министерству официальное подтвержде-
ние, что вы не пайщик. Министерство
случит нам директиву. А мы дадим ука-
зание райсобесу...

Отличный вариант не проходит. Пока Ко-
нонов носил справку, пока вопрос решали
инстанции, собес получил новую ди-
рективу: паяльщиков оловом из списка
№ 1 исключить, поскольку условия их тру-
да изменились и по-старому пять категори-
чески запрещено...

Сидит теперь Георгий Николаевич Коно-
нов и думает: конечно, закон обратной
силы не имеет. Но если бы не канитель с
суффиксом, получать бы мне давно льгот-
ную пенсию. И ведь какая могучая сила за-
ложена в злостном суффиксе! Дали бы
мне сейчас этого кадровика, я бы ему этим
суффиксом по лбу шаркнул. Или в край-
нем случае заставил бы изучать родной язык
до полного уразумения.

г. Ленинград.

Почему я не читаю Шекспира?

Да, так вот случилось, что я совсем перестал читать Шекспира.

Раньше было иначе. Выпадет, бывало, свободный час, зайдешь на кухню, сварить крепкий кофе, сдобришь его густыми сливками и, насыщая тело, одновременно ублажаешь душу бессмертными сонетами:

Когда меня отправят под арест
Без выкупа, залога и отсрочки,
Не глыба камня, не могильный крест,
Мне памятником будут эти строчки...

А теперь вот, хоть и варю я по-прежнему кофе, но Шекспира уже не читаю. Особенно его драматические произведения, где он обличает ханжество, притворство, ложь и подлость. И все потому, что у этого джентльмена за последнее время слова расходятся с делом. И даже вскрываются кричащие противоречия между самими словами, сказанными вчера и сегодня. Но, впрочем, судите сами.

Когда-то Шекспир придерживался такой моральной позиции: «Смотри, говори правду: ты от этого только выиграешь» («Мера за меру»).

А сейчас Шекспир тчится доказать, будто американский народ стоит за продолжение разбойничьей войны в Индокитае. С этой целью Шекспир состряпал телефильм «Молчаливое большинство» для демонстрации за границы.

Сейчас Шекспир изо всех сил оправдывает гнусное преступление американских войск в Сонгми на том основании, что «такие вещи случаются во всех войнах».

Якобы ратуя за смягчение напряженности на Ближнем Востоке, Шекспир пытается обвинить во всех смертных грехах Советский Союз и другие миролюбивые страны, хотя всему миру известно, кто действительно нагнетает напряженность в этом районе земного шара.

Как видит читатель, Шекспир, призывая говорить правду, предпочитает изъясняться языком кривды. Властитель дум, а избрал такой по меньшей мере странный способ диалога с читателем и слушателем...

Когда-то в «Генрихе IV» он справедливо предупреждал охотников до всяких выдумок: «...Небылицы похожи на того, кто их выдумывает. Они так же нелепы, чудовищно раздуты, и их лживость так же очевидна с первого взгляда».

А теперь сам распространяет по свету фальшивые басни о «коммунистической угрозе» и «секретных базах», одну нелепее другой.

В былые времена Шекспир разумно призывал к экономному расходованию словарного запаса:

«Где мало слов, там ими не сорят;
Кто в муках говорит, те не хитрят».

(«Ричард II»).

Теперь же слова, полные подленьких хитростей, коварных уловок и подслащенного яда, льются, как лава из действующего вулкана. Да что там лава — целый океан слов: они звучат по радио и по телевидению 860 часов в неделю. Этими словами, будто шелухой отравленных семечек, засорены многие страны в различных частях света.

Теперь, когда мы упомянули радио и телевидение, читатель может на законном основании спросить:

— Позвольте, а о каком авторе ведете вы речь? Во времена Вильяма Шекспира

театр, конечно, существовал, но вот о телевизионной компании Си-би-эс и радиостанции «Голос Америки» что-то не было слышно...

Фельетонист мог бы продолжать затеянную игру, но, уступив чувству меры, сдастся. Да, сегодня мы говорим не столько о Вильяме Шекспире, сколько о его американском однофамильце Фрэнке Шекспире, директоре Информационного агентства США (ЮСИА).

Недавно возглавленное Фрэнком Шекспиром агентство, по сути дела, является государством в государстве, не подчиняющимся никаким внутренним законам и установлениям. Эта империя, насчитывающая 12 тысяч сотрудников и поглощающая 173,3 миллиона долларов годового государственного бюджета США, подчиняется только мановению руки директора, подписывающего лихие инструкции своим многочисленным представителям за рубежом. «Я как директор этого агентства, — заявляет Фрэнк Шекспир, — отвечаю непосредственно перед президентом Соединенных Штатов, а не перед государственным секретарем».

Талейран сказал как-то: «Язык дан дипломату, чтобы скрывать свои мысли». Директора ЮСИА не устраивает даже язык буржуазной дипломатии. «Информационная программа — это нечто иное, более новое, чем официальная и традиционная дипломатия». Иными словами: долгие дипломатические увертки, камуфляж и всякого рода туманные прикрытия! Режь кривду-матку, какой бы бесстыдной, наглой и беззащитной во лживой она ни была!

И Фрэнк Шекспир не стесняется себя никакими рамками... Он сеет в мире провокационные слухи и слушки, внедряет в личный состав агентства наиболее оголтелых антикоммунистов из числа «таких авторов, которые имеют личный опыт в вопросах коммунизма», то есть ренегатов и предателей. Он «чистит» находящиеся за рубежом библиотеки агентства, пополняя их бредовыми антисоветскими сочинениями, всплывающими на поверхность современного мутного книжного рынка США...

Кто-то может подумать, что директор ЮСИА Фрэнк Шекспир иногда, в редкие минуты самоанализа и раскаяния, горько сетует, что бросил тень на популярность и славу своего великого однофамильца. Но не станем обольщаться! Из всего обширнейшего литературного наследия высокопоставленного антикоммуниста твердо заучил только вот этот диалог между двумя героями бессмертной трагедии «Отелло»:

«Кассио. Доброе имя, доброе имя, доброе имя! Я потерял свое доброе имя, бессмертную часть самого себя. Осталась одна животная. Где мое доброе имя, мое доброе имя!

Яго. ...Доброе имя! Подумаешь, какая важность! Доброе имя — выдумка, чаще всего ложная. Не с чего ему быть, не с чего пропадать».

Фрэнк Шекспир давно и твердо поверил в истинность слов Яго: доброе имя — выдумка, миф по сравнению с реальными благами и положением на современной американской иерархической лестнице...

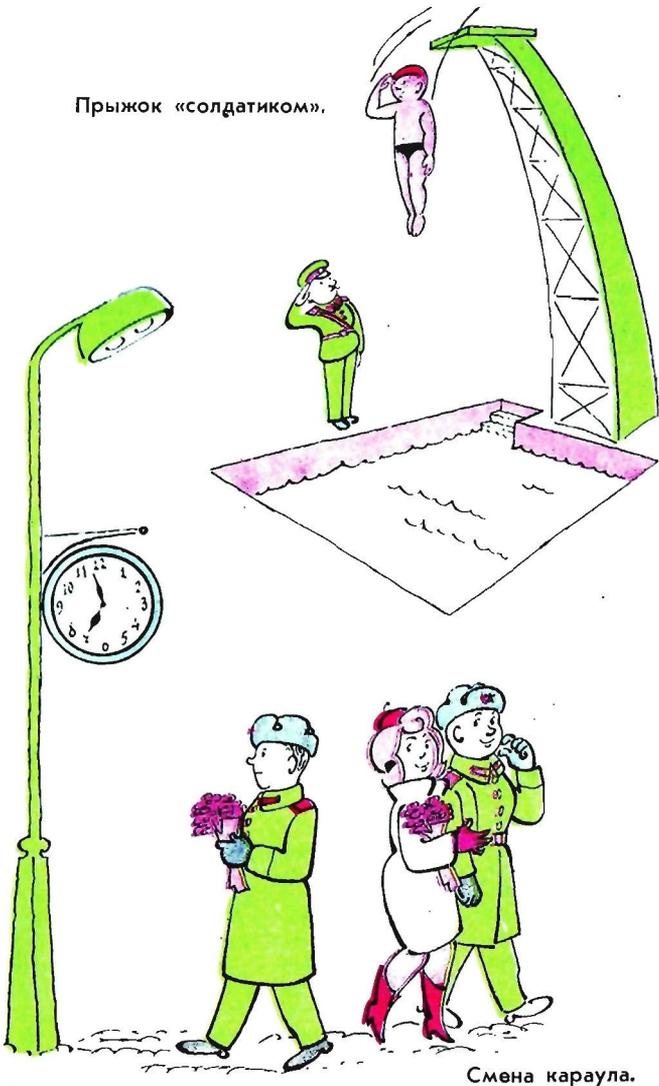
Но все же почему теперь я все реже и реже читаю Шекспира? Признаюсь читателю даже в большем: теперь на моем столе почти перестала появляться традиционная чашечка кофе. Стоит только вскрыть пакетик с кофейными зернами и бросить его содержимое в электрическую мельницу, как моментально возникает в воображении 44-летний антикоммунист, брызжащий отравленной слюной. И всякий аппетит мгновенно пропадает...

Нет, видимо, придется перейти на обыкновенный чай. По крайней мере не возникает никаких неприятных ассоциаций...

— Срочная?
— Сверхсрочная.

Прыжок «солдатиком».

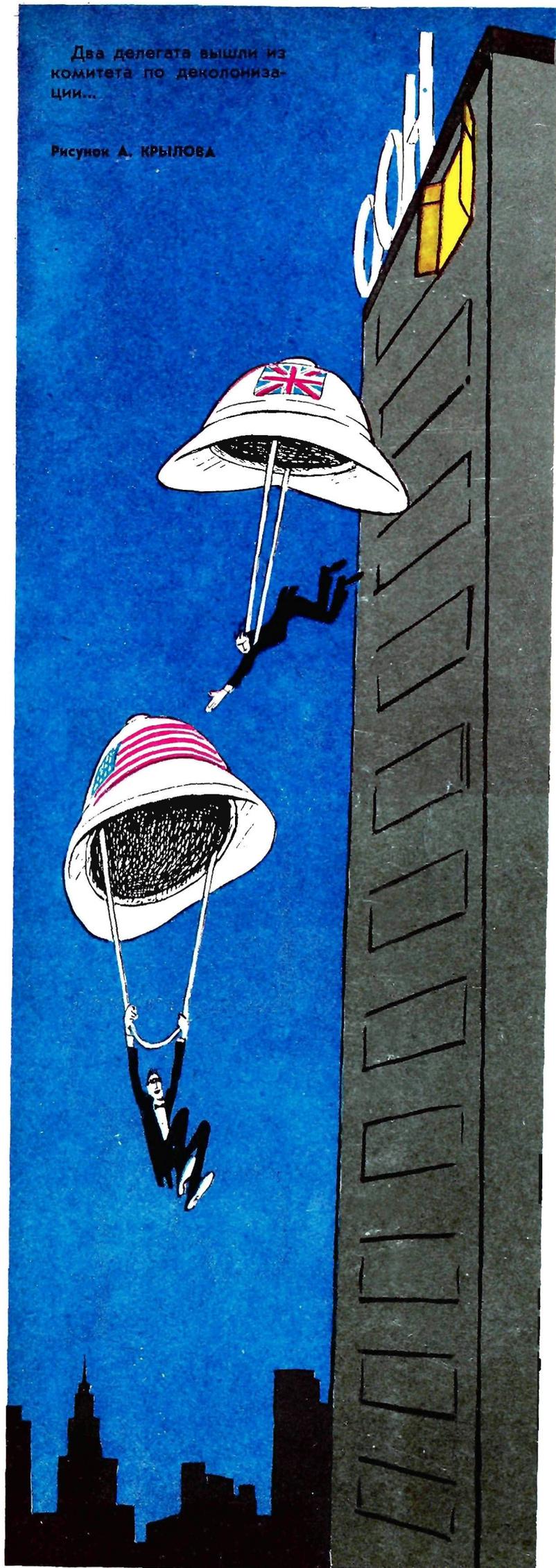
Смена караула.

«Вильгельм Телль» на армейской сцене.

Два делегата вышли из комитета по деколонизации...

Рисунок А. КРЫЛОВА

РЕЧЬ КЛЯЙСТА

И ЕЕ ПУШКА

Он очень любит фотографироваться. Стоит в его резиденции, что в пятидесяти километрах от Мюнхена, появиться посетителю с фотоаппаратом, как он тут же одергивает пиджачок, взбивает седенькую шевелюру и мчит к своей любимой... пушке. Пушка, которую он собственноручно смастерил из печной трубы и тележных колес, смотрит на восток. Артиллерист-любитель не улыбается. Решительно стиснув зубные протезы, он устремляет взгляд в будущее, пытаясь разглядеть там день, когда его пушка сможет двинуться в новый «дранг нах остен».

Но 66-летний Петер Кляйст не только позирует фотографам, сидя на своей закопченной пушчонке. Он возглавляет новую неонацистскую западногерманскую партию «Акция сопротивления». Вместо палаты психиатрической клиники он подвизается на политической арене, источая бессильную старческую ненависть ко всему, что хоть как-то способствует разрядке международной напряженности.

Глава новой организации, как уже упоминалось, находится в возрасте, когда большинство его сверстников, удаляясь от дел, посвящают остаток своей жизни разведению роз, коллекционированию пивных кружек или воспитанию внуков. Ни первое, ни второе, ни третье Кляйста не привлекает. Мемуаров он тоже не пишет, хотя вспомнить есть что: и свою службу в СС в чине штурмбаннфюрера, и пребывание на посту руководителя отделения «Ост» (Восток) в ведомстве Риббентропа, а позднее — работу в так называемом министерстве по делам оккупированных областей, и свой «вклад» в дело «германизации» прибалтийских республик, и кое-что другое.

После войны, с грустью припрятав до лучших времен свой черный эсэсовский мундир, Кляйст подался в журналисты, чтобы проповедовать идеи национал-социализма в ультраправых и неонацистских изданиях.

Подписанный в Москве договор между СССР и ФРГ был с одобрением встречен западногерманской общественностью. Кляйст, как нетрудно догадаться, отреагировал на это событие по-своему: оставший штурмбаннфюрер восторженно встрепенулся, забросил подальше шариковую авторучку и принялся сооружать уже знакомое нам орудие. Теперь его амплу — политический деятель. Пробил час «спасать фатерланд от коммунизма», решает он и с помощью соратников из неонацистской НДП начинает сколачивать «Акцию сопротивления».

На ее первое собрание, проходившее в Вюрцбурге в октябре минувшего года, съехалось около четырех тысяч че-

ловек — преимущественно члены НДП, представители реваншистского «Союза изгнанных», бывшие нацисты. В тронной речи нового «фюрера» были четко и недвусмысленно сформулированы задачи организации. «Речь идет о том, — призывал Кляйст, — чтобы всеми средствами оказывать сопротивление правительству, чья политика угрожает свободе и миру в Германии».

С сегодняшнего дня нашим противникам будет уже не до смеха! — надрылся другой оратор. И вслед за этим (дабы слова не расходились с делом) участники митинга высыпали на улицу. Около 500 полицейских равнодушно взирали на бесчинства штурмовиков образца 70-х годов, оравших: «Вилли Брандта — к стенке!», «Немецкая земля не будет раздариваться, скорее Брандт будет повешен!» Дело закончилось кровавым побоищем: озверевшие погромщики дубинками избивали рабочих и студентов, пришедших выразить свой протест против фашистского собрания.

Вслед за Вюрцбургом очередь дошла до Эссена, Вуппертала и, наконец, до столицы Федеративной республики — Бонна. На глазах полиции около сотни фашиствующих «сопротивленцев» бесновались перед зданием советского посольства.

Недавно в Западно Берлине хозяйин пивной с довольно символической вывеской «К последнему кораблю» (любимое место сборищ западноберлинских ультра) справлял свой юбилей. Дабы кто-нибудь из «чужих» ненароком не забрел на торжество, предусмотрительный хозяин повесил табличку: «Вход только для арийцев». Музыки не было: ее вполне заменяло воспроизведение записей речей Гитлера и Геббельса. В разгар веселья юбиляр приятно порадовал собравшихся, показав номер, явившийся, без сомнения, гвоздем программы. Он втащил в зал упирающегося пса и приказал: «А ну-ка, покажи нам истинно немецкое приветствие». Под восторженные вопли собутельников собака подняла правую лапу и пролаяла «хайль» (или по крайней мере что-то похожее).

Мы не знаем, присутствовал ли при этом Кляйст. Возможно, и нет. Однако собачий пример был с ходу заимствован членами «Акции сопротивления». Правда, вполне возможно, что собака тут вовсе ни при чем: кого-кого, а Кляйста уж нет надобности учить «истинно немецким приветствиям». Жаль только, что позабыл бывший эсэсовец, какой бесславный конец постиг тех, кто когда-то лихо вскидывал вверх правую руку: к ней пришлось присоединить и левую...

Сергей ГУК

— Пойдем, Николай Васильевич, погреемся немного!

Рисунок Ю. УЗБАКОВА

Послушав мое сердце и измерив давление, врач горестно заключил: — Не очень, знаете ли, у вас... Курите?

— Да.
— Курить не надо. Бросьте. Жирное едите?

— Да.
— Жирное есть не надо. Бросьте.

Характер работы?
— Пишу.
— Уж не сатиру ли?

— Сатиру.
— Сатиру писать не надо. Бросьте.

Врач был прав, ибо еще не доказано, что вреднее — курить или писать сатиру.

И дело не в трудностях самого ремесла, а в последствиях: все обижается. Вирус обидчивости распространяется с невероятной быстротой.

Напечатать рассказец, небольшой рассказец, и вроде бы ничего такого в нем нет, а потом неделю, а то и декаду телефон покоя не дает. Звонят, жалуются.

— Эх, Борис, Борис! Не ожидал я от тебя такого, — убитым голосом говорит бывший дачный сосед Виктор Петрович. — Так меня ославить!

— Когда? Где?
— Как где? В последнем рассказе. Кто у тебя там главный отрицательный герой? Виктор Петрович. А я кто?

— Но... пытаюсь я возразить.
— Что «но»? — перебивает меня собеседник. — Все сходится: он у тебя любит выпить, играет в преферанс...

— Я не знал, что вы преферансист. Когда вы сели за карты?

— Да года два.
— А мы целых три не виделись...
— Оправдывайся! Все сходится. Тот опаздывает на работу, я тоже опаздываю...

И я мысленно говорю себе: «Все. Виктор Петрович у меня в рассказах больше не будет».

Борис ЕГОРОВ

ОБИЖАЮТСЯ...

А кто будет? По этому вопросу я советуюсь с женой.

— Может, Степан Сергеевич?
— Ни в коем случае: за стеной живет.

— Алексей Васильевич?
— Ты с ума сошел: мой начальник.

— Васи...
— Ни-ни!
— Аким...

— Никаких Акимов! ЖЭК! Технический смотритель! Потекут краны — утонем...

Я хватаю справочник личных имен: Никон? Нестор? Никодим?

То же самое происходит с фамилиями. Отпадают: Иванов (лицо, от которого многое зависит), Петров (от него зависит еще больше), Сидоров (родственник).

Но одними именами и фамилиями дело не ограничивается.

— Эх, Борис, Борис! Ну и выставил ты нас на посмешище, — слышится в телефонной трубке.

— Кого это вас?
— Отдел кадров, где лежит твоя трудовая книжка. Смеются все. Проходу не дают.

— Я вовсе не имел в виду...
— Ха-ха! Не имел? «Тесный коридор, на стене старая стенгазета, на окнах решетки...»

— Товарищи, не в помещении дело.

— Ну да. Конечно, в людях. А почему ты пишешь, что у нас в отделе кадров холодно и сухо говорят с людьми?

— Почему «у нас»? Это же рассказ. Я не называл учреждения...

— Ладно. Будь здоров. Нам уже по выговору врезали.

И я мысленно говорю себе: «Больше об отделах кадров не пишу. Про бухгалтерию тоже. Уже пострадал. Не трогаю также месткомы: имею отповедь от профсоюзного журнала. Не касаюсь аэрофлота, академии педагогических наук, телефонной станции, пожарных команд. И ни единого слова о трубочистах! Чтобы не очернить их светлый образ».

О географии тоже надо подумать. Где происходит действие моего рассказа? По предыдущим своим произведениям я уже получил демарши из четырех областей и от одной автономной республики...

Может, действие перенести на другую планету? Еще хуже. Скажут: уже намеками говоришь? Да? «Один ответственный марсианин принес в дар другому, еще более ответственному марсианину, жареного поросенка...»

Нет, не надо называть место действия вообще. И кем работает герой — тоже. Отрицательным героем буду я сам. Все рассказы — от первого лица. А чтобы мне было с кем разговаривать, в рассказах будет присутствовать также моя жена. Думаю, не обидится.

Обиделась.

Сказала однажды: — Знаешь, я долго молчала. Давай поговорим серьезно. Мне надоело, что отрицательных героинь ты списываешь с меня. Эх, зачем я только вышла замуж за сатирика! Был бы муж лириком или еще лучше художником — другое дело. Ты посмотри,

Стеглярусов каждую новую жену гуашью пишет, а каждой старой оставляет по «Москвичу» в теплом гараже. А ты что мне оставишь? Юмор? Да?

А у меня в это время на столе лежал готовый юмористический рассказ на невинную тему — о том, как горожане не умеют отдыхать. Соберутся в воскресенье, допустим, на пляж, а из дома выбраться никак не могут: то телефон позвонит, то приятель заглянет, то по телевизору вроде бы передача интересная оживляется...

Рассказ начинался так: «Я сказал своей жене: — Поехали на пляж.

Она ответила: — Согласна. Хочется полежать на песочке. Погреться...»

Надо было рассказ переделывать так, чтобы моя жена в нем не присутствовала. И я ее заменил. На чужую.

«Я сказал чужой жене: — Поехали на пляж.

Она ответила: — Согласна. Хочется полежать на песочке. Погреться...»

Жена реагировала на рассказ весьма резко. Несмотря на то, что я говорил ей о художественном вымысле, типических образах, праве художника на обобщение и выбор лирического героя.

Словом, кончилось тем, что ко мне пришел врач.

Послушав мое сердце и измерив давление, он спросил:

— Курить бросили?
— Бросил.
— Сатиру бросили?

— Нет.

— Смотрите, дорогой, потом будет поздно. И получится, как в одном вашем рассказе... Ну, в этом, про поликлинику... Кстати, скажите честно, почему вы решили в нем высмеять врачей. Чем мы вам насолили?

Что ни говори, а уважения к нам, работникам гарантийного ремонта, по-прежнему не видать. А почему? Избаловались клиенты, все им мало, ну никак не угодишь.

Возьмите, к примеру, Орехово-Зуевское ателье гарантийного ремонта № 3. Там культура обслуживания поднялась на небывалую высоту. Поломалась, скажем, у кого-нибудь стиральная машина. Раньше что? Вези в мастерскую. Как хочешь и на чем хочешь. А теперь — один звонок, и пожалуйста: приезжает на дом человек. Пока, правда, не мастер, а осмотрщик. Его дело — осмотреть, убедиться, что машина действительно неисправна, а то, может, хозяин, чего доброго, пошутил. Осматривает он машину, вырезает гарантийный талон из

НЕ УГОДИШЬ!

паспорта и уезжает. А на прощание говорит:

— О дне приезда мастера известим открыткой.

И действительно, проходит месяц, ну два, три — на худой конец, и мастерская присылает открытку, где ясным дамским почерком написано, что мастер приедет, скажем, такого-то числа в течение дня.

А если мастер почему-либо не приедет? Вы думаете, так о вас и забудут? Нет! Вот тут-то вся культура и прояв-

ляется. Ателье присылает новую открытку и назначает новый срок.

А если опять визит не состоится, то и в третий раз напишут...

Иной раз по шесть — восемь открыток посылают. А открытки — загляденье: глянецовые, в ярких, жизнерадостных красках. Их и в альбом не грех вставить...

И что вы думаете, доволен орехово-зуевский потребитель? Как бы не так! Один — кричит, другой — кричит. Я, говорит, из-за вас три дня с производства отпрашивался и все зазря. Соседке, кричит, шесть «поздравительных» открыток прислали!

И что делать с таким клиентом, даже неизвестно.

Т. ЛОСКУТОВА

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ

С завидным упорством Иркутское горжилуправление и домоуправление № 5 пытаются доказать, что из обыкновенной писчей бумаги и чер-

нил можно выгнать природный газ.

Эксперименты длятся вот уже пять лет. Пять лет инвалид II группы Купреева Н. И. просит установить в ее квар-

тире газовую плиту. В течение пяти лет жилищное управление исправно пишет Купреевой: не волнуйтесь, мол, гражданочка, газовая плита у вас будет в следующем квартале.

И так из года в год — пять лет.

Вот и получается заколдо-

ванный круг: жилищное управление в лице тов. Зинченко ждет не дождется, когда надоест Купреевой писать жалобы, а гражданка Купреева ждет не дождется, когда Зинченко надоест добывать газ с помощью бумаги и чернил.

Л. ЕГОРОВА

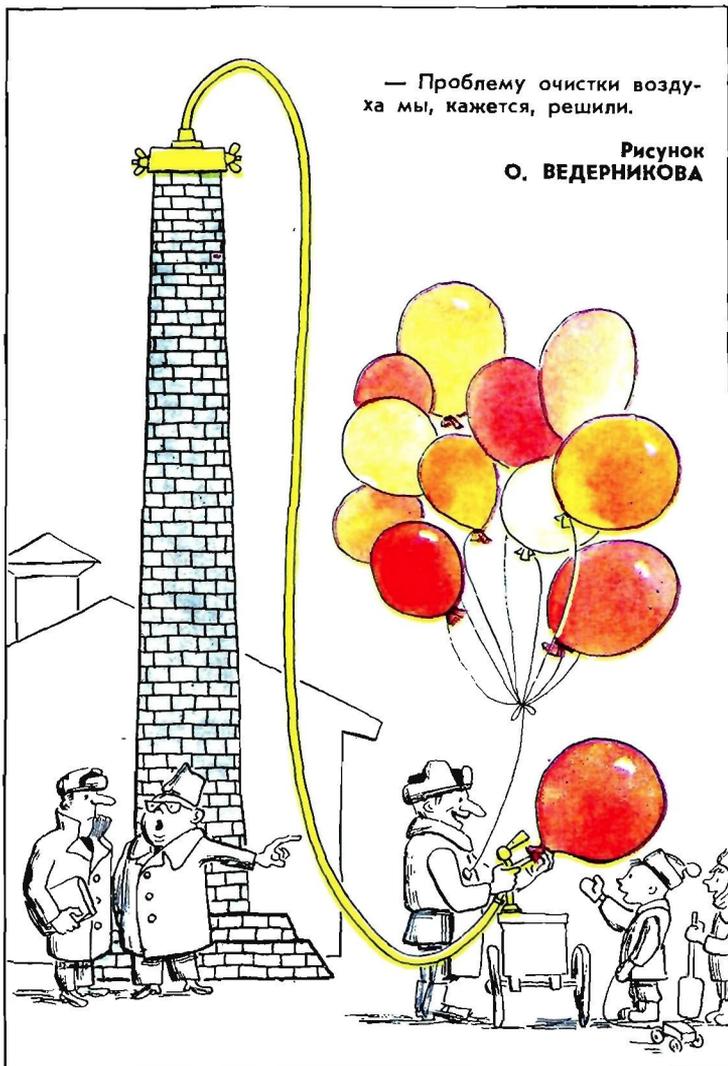
Свадьба по-йогски

Это загадочное фото прислали в редакцию молодожены Гладких из города Владимира. Они попросили ответить на несколько вопросов:

- 1) Где жених и что он делает в момент бракосочетания?
- 2) Сколько невест приходится на одного жениха?
- 3) Почему участники этой торжественной церемонии занимаются гимнастикой по системе йогов?
- 4) Зачем ковер прибит к потолку?

К сожалению, мы не смогли ответить ни на один из этих вопросов, поэтому вынуждены обратиться за помощью к сотрудникам Владимирского комбината бытового обслуживания [Производственная улица, 22], который порадовал молодоженов этой фотографией. А заодно уж и задать им один вопрос от себя: каким образом печатаются и отсылаются заказчикам такие фотографии!

Т. РУДИНА

— Проблему очистки воздуха мы, кажется, решили.

Рисунок
О. ВЕДЕРНИКОВА

Лед тронулся!

Было время (см. литературу о ледниковом периоде), когда под воздействием движущихся ледников повсеместно менялся климат, а с ним фауна и флора. Вот и к нам, в Красноярский край, пришел ледник.

Однако наш ледник в отличие от тех ледников образовался из водоразборной колонки, что была на улице Заречной. Колонку разобрали в августе и до октября собирали, но собрали неправильно, отчего вода стала разливаться по всей улице, превращаясь в лед. Смотрим мы на это стихийное бедствие и гадаем: что же будет теперь с нашей фауной, с нашей флорой?

г. Красноярск.

А. ГАРЦУК

С НАУЧНЫМ ПОДХОДОМ

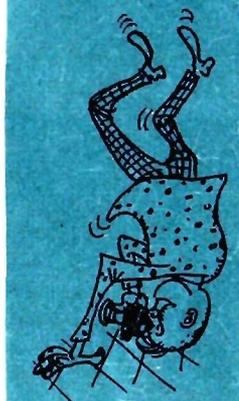
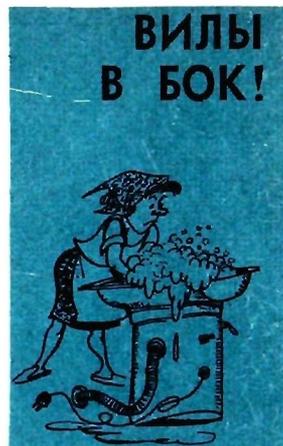
Сейчас многие медики считают, что для предотвращения сердечных заболеваний надо давать сердцу нагрузку: ходить, бегать, подниматься пешком по лестницам. Эта теория нашла большого почитателя в лице И. П. Алейника — начальника одного из управлений ленинградского треста «Союзлифтмонтаж».

Еще в начале 1968 года он подписал договор с калининским санаторием «Юбилейный» об установке лифта. Подписал, а потом

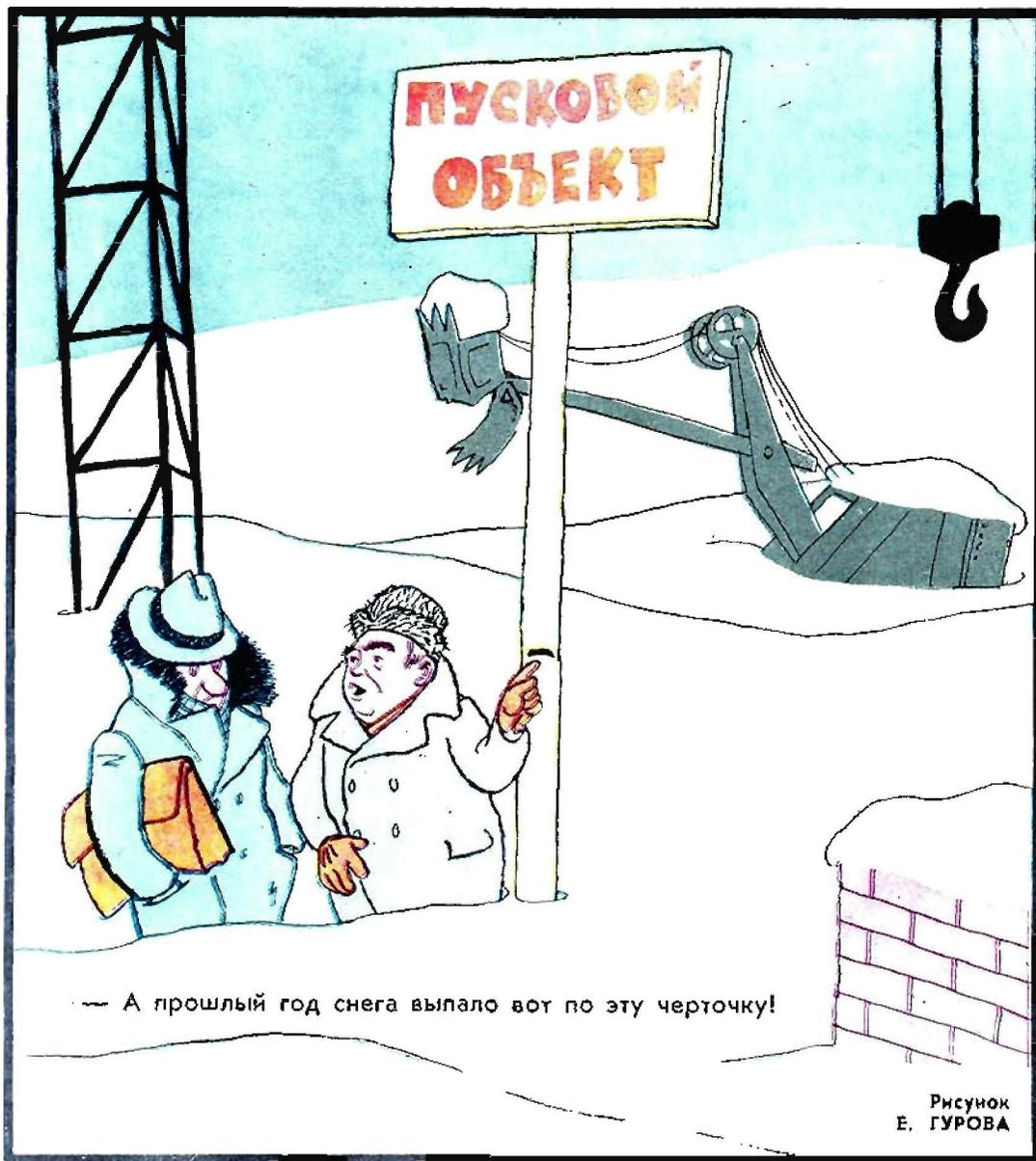
подумал: «Нет, не будем ставить санаторию лифт. Пусть больные закаляют свои сердца на лестничных маршах!»

Вот уже скоро три года, как И. П. Алейник придерживается этой теории. Но если развить ее дальше, то следовало бы вовсе ликвидировать трест «Союзлифтмонтаж». Интересно, чем будет тогда заниматься И. П. Алейник? Не пойдет ли он в медицину?

А. НАРЕВ

ВИЛЫ
В БОК!

— А прошлый год снега выпало вот по эту черточку!

Рисунок
Е. ГУРОВА

Мой коллега Петр Иванович Фунтиков — хороший человек. Поэтому я с ним дружу. Наши характеры как бы дополняют друг друга, и в результате получается гармония душ.

У Петра Ивановича характер мягкий. Между нами, это не человек, а тряпка. Поэтому он всегда остается внакладе...

Едем мы с работы трамваем. Ехать далеко, потому что наш трест на краю города. В вагоне людей порядочно, но я успел захватить место, а Петр Иванович стал рядом.

— Не садитесь,— говорит,— здесь нехорошо...

Потом подошел мужчина. Он и его удержал. И еще подходили люди, и всех он предупреждал. И так, стоя, доехал до конца...

А ведь мог бы посидеть, если бы мовго совета послушал. Как никак, ему под пятьдесят.

Второй пример. Было у нас собрание. Выступал, между прочим, сам директор Федор Андреевич и произнес замечательную речь о перевыполнении трестом плана. Я даже прослезился. Встал и аплодирую, а Фунтиков меня за пиджак тянет и бормочет:

— Ну что вы, в самом деле... Сядьте, ради бога...

Он тянет, а я аплодирую, потому что не могу удержаться. Такой характер... Я потом сел, но Федор Андреевич заметил мое одобрение. Человек он проницательный, и от его взора ничто не ускользнет. Истинно великий начальник!

А с Петром Ивановичем мы тогда поговорили довольно резко. Он все твердит: зачем, мол, было вставать... А я отвечаю: если вы можете равнодушно относиться к докладу Федора Андреевича, то я, извините, не могу. Душа моя еще не очерствела...

Через месяц мне — бах! — премия. А Петру Ивановичу — шиш. И представьте себе, перенес безропотно. А я тоже промолчал. Если я каждому буду объяснять, как вести себя, то сам останусь ни при чем.

Конечно, жалко человека, но своя рубашка к телу ближе.

Тут даже дружба не помогает.

А. ВЛАШИН

ДРУЖБА

Стоит и за ручку сиденья держится. Ну-с... А впереди сидит маляр в спецовке, и та спецовка грязная-прегрязная. Проехали мы две остановки, маляр поднимается, а Петр Иванович уже готов занять это место. Слава богу, я успел придержать его...

— Вы что,— говорю,— в своем уме? Вам, видно, костюма не жалко... Пусть сядет кто-нибудь другой и оботрет сиденье.

— Но другой тоже выпачкается,— отвечает он.

Я только руками развел.

Дурак и тот бы сообразил: то свой костюм, а то чужой. Разница огромная, а ему все равно...

Тут подходит к сиденью дама, а Петр Иванович ее останавливает.

г. Донецк.

В различные там чудеса или, того хуже, во всякую нечистую силу теперь мало кто верит. Но торопиться с выводами не будем. Поскольку, как утверждает популярная песня, в нашей жизни всякое бывает.

Судите сами.

Есть у меня в Волгограде знакомый, хороший такой человек, ученый. Кафедрой в институте заведует.

Так вот, является он ко мне в очень печальном состоянии. Ну, если прямо сказать, лица на нем нет.

Естественно, я забеспокоился, спрашиваю, что с ним.

— Что со мной? — переспросил он. — Лучше скажи, кто я?

— Как кто? Известно, — доцент. Студентов уму-разуму учишь.

Он печально посмотрел на меня: — И ты так считаешь?

А потом обхватил голову руками, застонал:

— Бедная жена... Она даже не подозревает, с кем связала свою жизнь.

И вдруг, выпрямившись, ошалело закричал:

— Оборотень я!

Ну, заяви это кто другой, я бы за шутку счел. А тут человек солидный, ученый...

А он тем же голосом продолжал:

— Это ужасно!.. Вот все, как и ты, уверены, что я весной прошлого года лекции в институте читал, потом экзамены принимал. Есть даже вещественные доказательства — мои отметки в студенческих зачетках. Но, оказывается, в это же самое время я работал плотником на строительстве зерносклада за триста километров от города... И вдруг снова: — Я оборотень!

Пришлось деликатно сказать:

— Послушай, ты переутомился, нервы сдали... Сходи к врачу, посоветуйся...

— При чем тут врач? — безнадежно махнул он рукой. — Меня в ОБХСС вызвали, платежную ведомость показали... Там черным по белому моя фамилия записана, имя и отчество, точный домашний адрес указан. И роспись в полученной зарплате. Правда, она не похожа на ту, что значится в институтских ведомостях... Но, возможно, это моя вторая роспись, ранее мне неизвестная... Ума не приложу, как я объясню жене, куда я девал деньги, заработанные на строительстве зерносклада. И ведь немалые деньги!

Он вдруг оживился:

— А знаешь, работал я там с огоньком! В одном месяце я выполнил план на 200 процентов, а в другом — на 250. Премию даже отхватил, свыше 100 рублей. В получении их я тоже расписался. Надо бы съездить посмотреть. Воз-

можно, а та висит.

Естественно, необычайная встреча в ОБХСС.

Встретивший следователь близяко — Это ми стол идет!..

И он г тельную.

Есть в нуемое о

ронжеско торстрой

какого н управлен

работник ри и воз

различны зерна.

Как они дальше. К мание ли факт произвед

голя «Ме жизни.

Сразу вующую ления С

пригласил ды стар

ильевича имел сча

стах не с

— Скуе прямик з

— Безъ ший про

— На с альными,

— Это

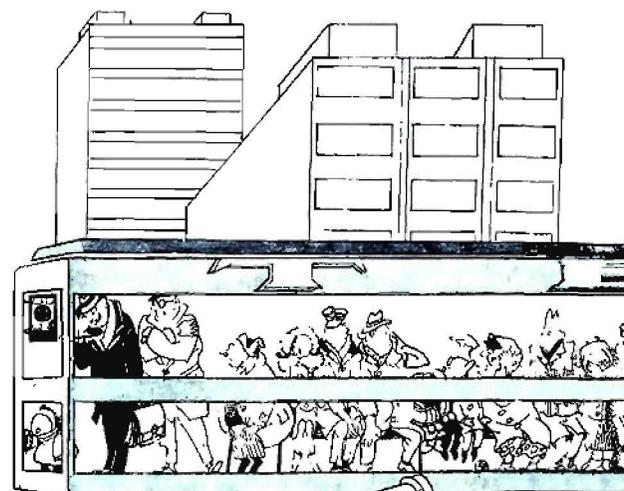
— А пл Сочи, осв

море, в р щим утро

— Куда

молет бо

— Что

— Да, да, Катя, вот и в нашем районе накопец-то поставили телефонную будку!

...фотография на Доске поче-
...менно, что этот рассказ меня
...интересовал. Я отправил-
...СС.
...или меня любезно. Симпатич-
...дователь Александр Георгиевич
...в устало сказал:
...что. Тут мы с такими факта-
...кнулись, что голова кругом
...поведал прямо-таки сногшиба-
...историю.
...Волгограде управление, име-
...строительный поездом Э-23 во-

начальник управления.— Была бы голова
на плечах.— И неожиданно добавил: —
Ты Павла Ивановича Чичикова знаешь?
— Что-то не припомню... Он в охране
состоял или среди наших?
— Да,— печально заметил Олег Геор-
гиевич,— отсталый ты человек. Гоголя в
школе изучал?
— Ну, изучал.
— Чичикова не помнишь? Это же го-
лова был, бизнес на мертвых, или, как
он сам говорил, несуществующих, ду-
шах делал. Соображаешь? Несущест-
вующих... Это как раз то, что нам надо...

чалах, поскольку деньги — и немалые —
за мнимую работу регулярно клали в
карманы Штельмахов, Потемкин и при-
соседившийся к ним главный бухгалтер
управления Е. Н. Глаголев. Таким мане-
ром им удалось украсть у государства
свыше 40 тысяч рублей.
Работникам ОБХСС пришлось занять-
ся решением даже потусторонних во-
просов. Например, что могут построить
мертвые, то бишь несуществующие
души?
Для наглядности взяли очень важный
объект — сооружение путей к элевато-
ру на станции Обливская, Ростовской об-

Центроэлеваторстрой» ничего не виде-
ли, словно, как в детской игре жмурки,
на них надели черную повязку.
И сигналы были, по ним приезжали
из треста работники, а вот как будто
заколдовали их: ничего не видят и ни-
чего не слышат.
Скажем, приехал в Волгоград из тре-
ста старший бухгалтер-ревизор Н. А.
Шапкин.
Встретил его Олег Георгиевич, конеч-
но, как полагается. Во все дни пребыва-
ния грозного ревизора вино лилось ре-
кой. Сказать, что с пьяных глаз Нико-
лай Андреевич вообще ничего не за-
метил, было бы несправедливо. В акте
ревизии он отметил, что имеется пере-
расход по трамвайным билетам на
22 рубля 47 копеек.
Ошалевший от счастья начальник
строительного поезда облобызал реви-
зора и поклялся внести перерасход из
собственного кармана.
Самым приятнейшим образом про-
шло и пребывание в Волгограде за-
местителя управляющего трестом Е. С.
Маломеда. Его водили по историческим
местам, на спектакли местных театров,
обильно угощали хлебом-солью, так что
разобраться с положением дел в под-
ведомственном строительном управле-
нии просто времени не хватило.
И тут кивольно нас со следователем
одолело сомнение: а все ли благопо-
лучно на других участках этого треста?
И решили мы заглянуть в другой стро-
ительный поезд воронежского «2-го
Центроэлеваторстрой», который тоже
находится в Волгограде. Наугад выуди-
ли из платежной ведомости фамилию
гражданина, который в 1969 году очень
уж активно работал на строительстве
разных объектов. Колобихин Семен Сте-
панович. Проживает в Красной слободе,
что как раз напротив Волгограда, по
улице Ленинской, 54.
Не поленились, съездили по указан-
ному адресу. А теперь, честно говоря,
жалеем. Сами того не желая, мы по-
тревожили душевную рану жены, или,
точнее сказать, вдовы Колобихина.
Дело в том, что еще в 1968 году Се-
мен Степанович скончался.
Нет, тут уж не до острот. Тут уж
оторопь берет, когда, царство им не-
бесное, покойники строят зернохрани-
лища. Да где! На земле, на которой
волгоградские хлеборобы собирают сот-
ни миллионов пудов хлеба!
Так и хочется воскликнуть:
— Братцы, а что делается в этом са-
мом воронежском тресте «Центроэле-
ваторстрой»? Уж не завелась ли и там
нечистая сила!

А. ШЕЙНИН

Локоинник на стройке

КУР
9
И
ТОН

...го треста «2-й Центроэлева-
...р. Правду говоря, поездка ни-
...нет. Видимо, для образности
...не так названо, поскольку его
...и должны ездить по перифе-
...зводить на радость хлеборобам
...в помещения для хранения
...и строят — об этом пойдет речь
...Пока же я хочу обратиться к ли-
...тературоведов на любопытный
...торения сюжета классического
...ания Николая Васильевича Го-
...ртовые души» в современной
...после назначения на главни-
...должность начальника управ-
...Олег Георгиевич Штельмахов
...к себе для задуманной бесе-
...шего прораба Валентина Ва-
...Потемкина, с кем вместо уже
...стве отбывать наказание в ме-
...толь отдаленных.
...дно мы с тобой живем! — на-
...аявил Олег Георгиевич.
...инициативно,— согласился стар-
...раб.
...одну зарплату, даже с прями-
...разве разгуляешься? —
...уж точно!
...похо ли на выходной слетать в
...ежить свои телеса в лазурном
...ресторане гульнуть? А следую-
...М — на трудовом посту.
...уж лучше... Да билеты на са-
...льно дороги. Где денег взять?
...денежки! — философски заметил

Ты составляешь наряды на работу, вы-
полненную несуществующими лицами,
я утверждаю...
— А деньги получаем мы! — подхва-
тил литературно отсталый прораб.
Так ли или по-другому происходил
разговор, утверждать не станем. Но
что чичиковский принцип был принят
жуликами за основу — это точно!
Верно, Валентин Васильевич был не
очень сведущ в литературе. Но зато он
отлично знал составы ведущих футболь-
ных команд! Популярным мастерам ко-
жного мяча самоотверженно трудились
на строительстве зернохранилищ, в поте
лица ремонтировали складские помеще-
ния, прокладывали подъездные пути к
элеваторам, за что были неоднократно
премированы.
Когда список футбольных знамени-
тоств был полностью исчерпан, Штельма-
хов и Потемкин обратились к такому
прекрасному первоисточнику, как теле-
фонный справочник города Волгограда.
Он оказался поистине неисчерпаемым
кладом для составления фиктивных
ведомостей. Вот таким манером мой
знакомый и оказался в числе строите-
лей одного из зерноскладов. Да он ли
один? Директор крупнейшего в городе
завода несколько месяцев работал кро-
вельщиком, а персональный пенсионер,
которому перевалило за семьдесят, так
лихо рыл траншеи, что ему и молодой
позавидовал бы.
К их чести надо заметить, что работа-
ли они, так сказать, на общественных на-

ласти, которое обошлось заказчику в
65 тысяч рублей.
Судя по приемочным актам, подпи-
санным представителем заказчиков
старшим инженером Волгоградского от-
деления Приволжской железной дороги
В. В. Чернышовым, работа была выпол-
нена в срок и на высоком уровне.
О, это была великая производствен-
ная победа, одержанная строительным
поездом Э-23 под руководством Олега
Георгиевича! Из Воронежа пришла по-
здравиТЕЛЬная телеграмма. Министер-
ство сельского строительства РСФСР и
ЦК профсоюза рабочих строительства и
промстройматериалов по итогам сорев-
нования за первый квартал 1969 года
присудили «поезду» переходящее крас-
ное знамя и 2 тысячи рублей премии.
Будем надеяться, что Штельмахов, По-
темкин и иже с ними, когда их «поезд»
доедет до конечной станции, будут
вспоминать об этом, как о самом яр-
ком эпизоде в своей жизни.
Потому что никаких путей не было.
Фиктивные наряды были, фиктивные ак-
ты тоже, а никакого строительства ни
в первом, ни даже во втором квартале
не велось.
Мало что удалось построить этому
лжеуправлению и на других объектах.
И вот тут начинается самое сверхесте-
ственное. Не день и не месяц — около
трех лет группа хищников среди бела
дня нагло обворовывала государство, а
руководители воронежского треста «2-й

г. Волгоград

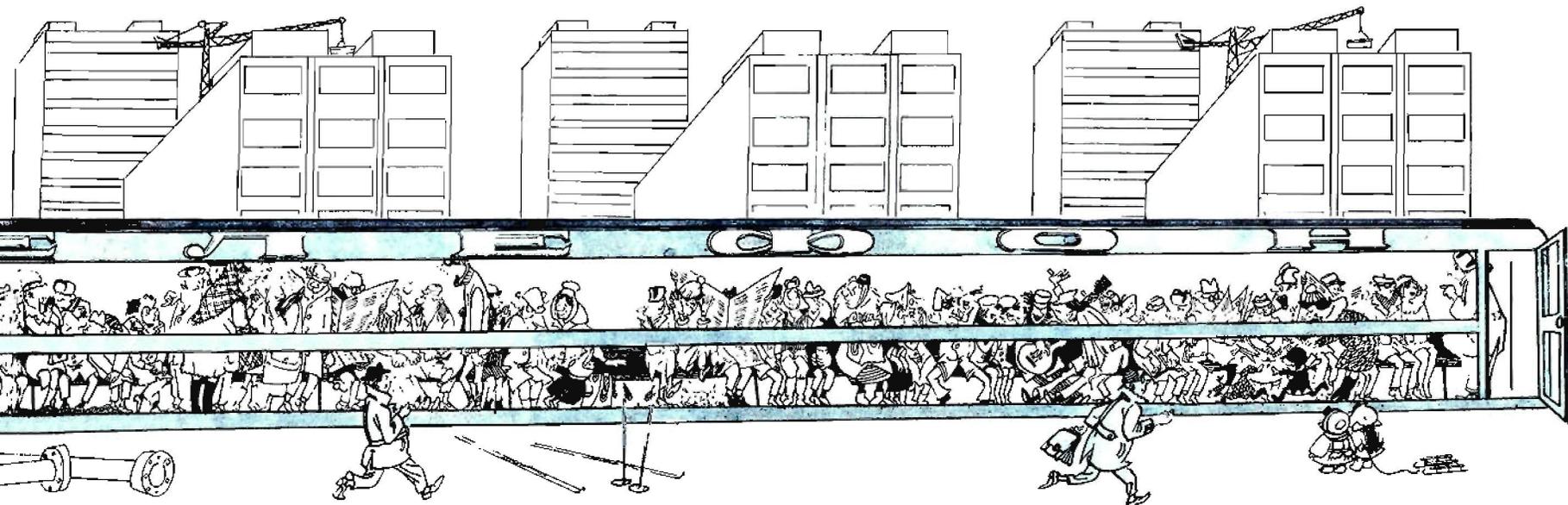

Рисунок О. КОРНЕВА

ЭТОТ ОБЫЧНЫЙ ВЕЧЕР...

Татьяна Ларина вышла замуж против воли самого Пушкина. Так подчас герой начинает жить своей жизнью независимо от автора. Вот и тема очередного фельетона как-то вырвалась из-под нашего пера и грозит нечаянно обратиться в целую книгу.

Чтобы никого не утомлять, мы сегодня знакомим вас только с оглавлением. По старой доброй традиции в названиях глав мы слегка приоткрываем содержание, чтобы читатель сразу понял, о чем пойдет речь в каждой главе будущей книги. Там уж авторы не пожалуют ни бумаги, ни собственного крепнущего таланта, ни времени читателей. А пока:

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

рассказывающая о том, как авторы в вагоне поезда Москва — Липецк, попивая чай с коржиком, между делом оттачивают сатирическое перо, заранее рисуя, как им кажется, привычную картину праха и запустения. Рояль, запертый на амбарный замок. Балетный класс, отданный под хранение турнепса, или, проще говоря, кормовой репы. И, разумеется, хам-директор — враг молодых дарований и саксофонов. Для пушущего веселья там и сям разбрасываются легкие наброски с натуры пошлякзатейника, пьянствующего лектора по борьбе с алкоголем и заезжего жулика, скрывшегося с деньгами, выданными на покупку фигурного резака для фотостудии.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой говорится об ужасной растерянности авторов, не обнаруживших здесь упомянутого запустения. Их прежде всего искренне потрясает тот факт, что за несколько десятков лет количество клубов на славной липецкой земле увеличилось в 723 раза! Раньше в Липецке работал всего один клуб. Да и тот купеческий, с буйным распиванием шампанского «Пли», цыганским хором и битьем зеркала. Сегодня в городе и области 723 клуба, Дома и Дворца культуры, которые уже одними своими названиями говорят об их благородных целях и гуманных задачах.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

из которой явствует, что 723 — цифра настолько гигантская, что наше внимание концентрируется только на двух Дворцах культуры. Но и здесь могучий сатирический талант авторов пропадает зря, так как рояли призывно улыбаются во всю ширину своих клавиатур, в балетных классах усердно вертят фузте, а работяги-директора с мичуринской заботой растят и делят нежную поросль моло-

дых и пожилых талантов. Детям устраивают утренники «Вам, дети», молодежи, «обдумывающей, делать жизнь с кого», — организуют цикл вечеров с одноименным названием и, наконец, кинолекторий знакомит вас с творческим путем артиста Рыбникова. А еще в десятках кружков репетируют «Гамлета», вышивают стегельчатым швом, робко набрасывают на ватмане торс Дорифора и кричат молодецкое «Ап!», вспрыгивая друг другу на плечи в красивейшей пирамиде. И тут авторы серьезно задумываются над тем, что, наверное, все это и есть весьма достойный пример того, как должен работать сегодняшний клуб. Авторы уже поспешно упаковываются в обратный путь, но одна неожиданная встреча путает все их планы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

где рассказывается поучительная история о том, как один товарищ начинает испытывать определенные позывы к общению с другими людьми. Но нагнать к кому-нибудь в гости как снег на голову не всегда кстаети. Хозяин дома как раз в этот момент, может быть, перелицовывает летние брюки или делает «козу» деткам, и гость чувствует явную необязательность своего визита. Нет, не пойдет он в гости. Он пойдет в свой клуб. И вот он приходит в клуб без определенных намерений. Физически развитые активисты с повязками на бицепсах встречают его в дверях, над которыми с радужием написано: «Добро пожаловать!». Очень быстро выясняется, что пожаловать-то совсем не добро, поскольку в кино наш скучающий товарищ идти не хочет. Других же мероприятий в этот роковой вечер нет. И желание нашего товарища попасть в клуб «просто так» совершенно необъяснимо. Один из активистов участливо спрашивает его: «Может, вы на вечер из цикла «Радость моя, гордость моя, счастье мое — работа»?.. Так это завтра». Надменно отгесая растерявшегося товарища плечом, в клуб проходят баритоны народного академического хора, солисты студии современного бального танца и герои-любовники из драмкружка. Они чувствуют себя избранными судьбы. Их всего 630 в разных кружках и секциях. Авторы задают себе вопрос, куда же деваться многим тысячам остальных работников Новолипецкого металлургического завода, и не находят ответа. Они сочувственно смотрят вслед не впущенному в клуб товарищу, в котором, вероятно, позыв к общению угас и который дал себе слово никогда больше не приходить в свой клуб.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

из которой ясно, что клубы тем не менее каждый вечер полны. Что же влечет и манит туда людей? Авторы

с огорчением отмечают, что дней двадцать в месяц — кино. Два уже упомянутых городских оазиса культуры, два Дворца: на правом берегу — профсоюзный и на левом берегу — Новолипецкого металлургического завода — работают с унылой монотонностью конвейеров. Изю дня в день, помогая выполнению финансового плана, на их экранах усердно трудится какая-нибудь «Европейская невеста». В субботу дворцовых работников вдруг осеняет, что Дворцу не подобает превращаться в простой кинотеатр, и они устраивают что-нибудь совсем неожиданное, вроде танцевального «Вечера современных ритмов». Но ощущение, что нигде так не любят кино, как в Липецке, не покидает авторов. В календарном плане ДК профсоюзов после названия той или иной лекции написано просто и заманчиво: кинофильм. Кино здесь не только надежная статья пополнения дворцовой казны, но и безотказная наживка, при помощи которой липчан ловят на крючок какою-нибудь нудного календарного мероприятия. «Но неужто только кино зовет людей в клуб?!» — дружно вскрикивают авторы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

легко переносящая читателя на обычный, так сказать, нормативный вечер танцев, разразившийся в субботу в ДК профсоюзов. Вопреки уверениям дирекции, сулившей нечто вроде первого бала Наташи Ростовской, на деле все оказывается чуточку грубее и резче. Буфет торопливо торгует пивом. Дружинники деловито берут за руки подвыпивших юношей и быстро уводят их с глаз долой. В главе упоминаются и милые девичьи откровения в углу зала, подслушанные бестактными авторами. «С пьяным я никогда не пойду танцевать. А если он немного подпил, так только веселее. Болтает все время, а не молчит, как сыч», — говорит Таня. «Но вообще-то с подружкой танцевать спокойнее», — говорит Люда. — По крайней мере знаешь, что она не пьяная». Авторы вспоминают фамилии Тани и Люды, но полагают, что не в этом суть. В следующую субботу вместо них сюда на свой сорокакопеечный первый бал придут Ира и Лена. И будут те же разговоры, те же дружинники и тот же буфет.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

рисующая такую современную пасторальную картинку, где вы, читатель, проводя досуг в родном клубе, постоянно общаетесь с чрезвычайно широким кругом чрезвычайно симпатичных вам лиц. Вы ходите с этими лицами в кино, а потом еще сидите в гостинной, беседа, скажем, о голографии, о демографическом взрыве, о том, что управление термоядерной реакцией, оказывается, возможно только при помощи «ла-

лочек Иоффе» или на другие обоюдоинтересные темы. Вы танцуете с этими лицами, смотрите телевизор, сражаетесь в шашки, играете в чьи-то руки пьесу Гедике «В садике», быть может, участвуете в викторинах. Вы узнаете людей в разных ситуациях и проявлениях.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

намекающая на поистине бесконечное количество больших и малых проблем, которые может решать сегодняшний клуб. А пока он этого не делает, все мы, может быть, сами того не подозревая, давно уже состоим членами различных клубов. Они не имеют белокаменных хором, доверху набитых роялями «Блютнер» и журнальными столиками фирмы «Аска». В любую погоду болейщички, стихийно собравшиеся под открытым небом, разворачивают пламенный диспут о том, что у Фирсова «еще есть порохи», а вот Полупанов «как-то сломался». Никто не подсовывает в почтовый ящик вместе с «Мурзилкой» афиш-листовок, призывающих выйти на бульвар со своим домино. Но каждый день на всех бульварах происходят массовые состязания в умении «держаться азики» и «дуплиться». Никто, наконец, не говорит с плохо скрытой угрозой: «Явка обязательна!» Но когда вечерует, дворовая беседка не может вместить всех желающих. Там душевно поют, обмениваются новостями и молодецки звенит гитара.

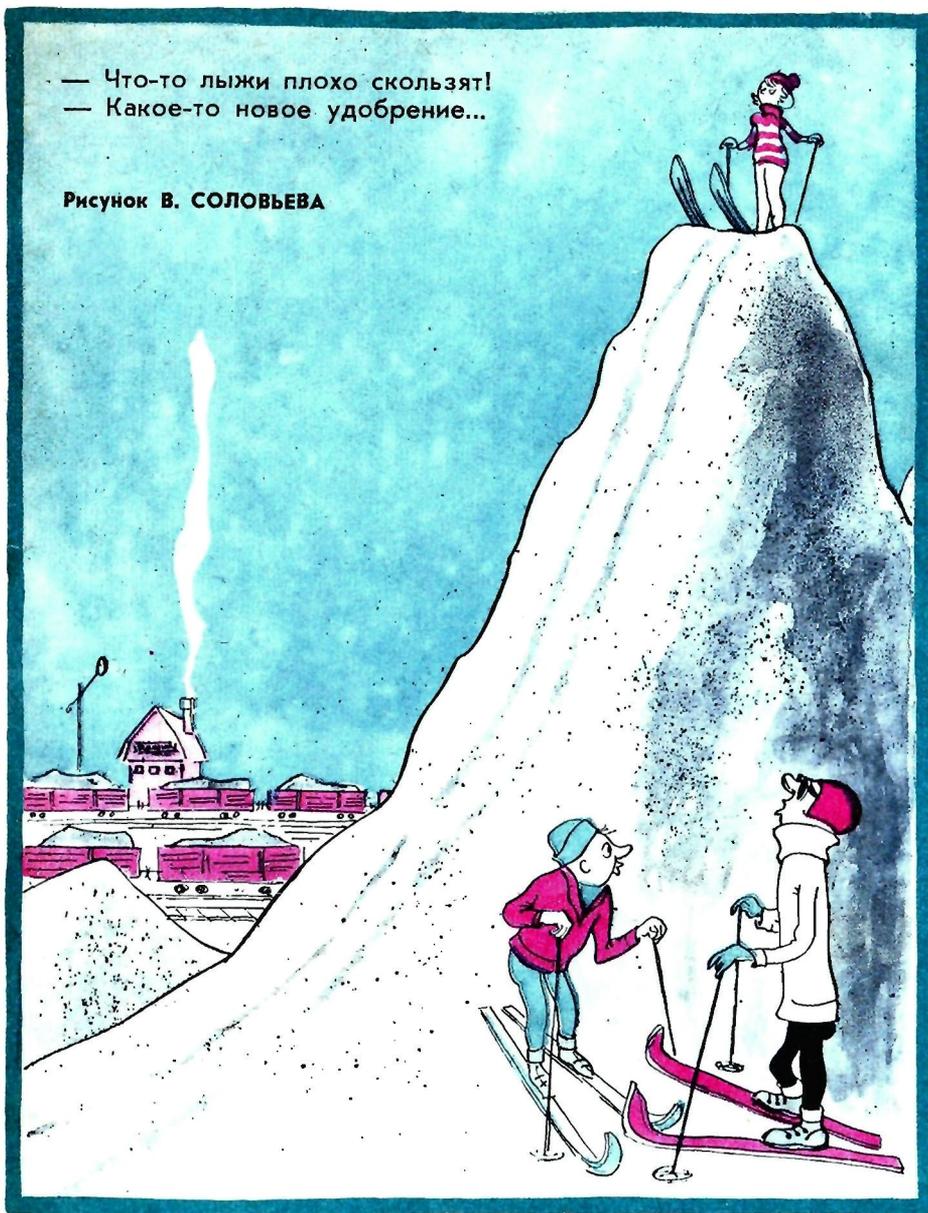

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

не оставляющая никаких сомнений в том, что из сегодняшнего, даже блистательно работающего клуба мы уже несколько выросли, как незаметно вырастают из любимого пиджака. Авторы далеки от мысли ратовать за клубы на манер английских, где аристократы из поколения в поколение покупают себе право каждый вечер курить сигару в компании трех приятелей. Но авторы ратуют за то, чтобы наш клуб стал таким местом, где человек всегда, каждый день смог бы найти себя и отдохновение от дневных забот, и развлечение, и интересное занятие. Он сможет назначить там деловое или сердечное свидание, и никто при входе не потребует у него билет на танцы. И уж, будьте уверены, в своем «втором доме» никто не бросит окурка на пол. И в кино не придет, накинув пальто прямо на майку. Когда же у человека появится какая-нибудь интересная идея, то он сломая голову побежит в любимый клуб, потому что, если копить идеи в себе, можно лопнуть.

И никто уже не будет до приступа мигрени выдумывать казенный план работы, вписывая в соответствующие графы соответствующие мероприятия. Потому что ежедневная работа клуба будет разносторонним непрекращающимся мероприятием!

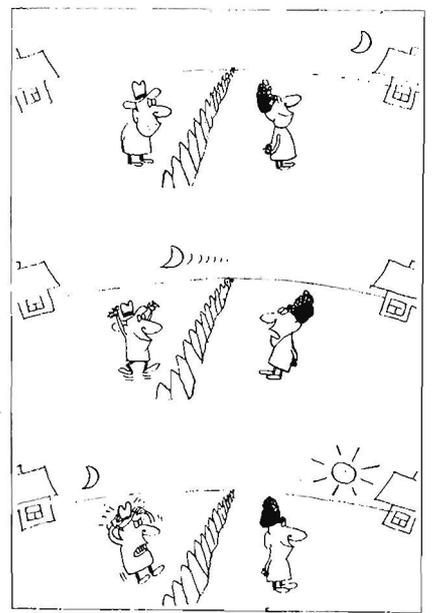
г. Липецк

— Что-то лыжи плохо скользят!
— Какое-то новое удобрение...

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

ХРОНИКА ВЕСЕЛОГО ЦЕХА

Это два рисунка главного художника молдавского сатирического журнала «Киперуш» Алексея Грабко. Они вам понравились?

Тогда советуем посмотреть остальные 78 его карикатур в альбоме, выпущенном недавно издательством «Карта Молдовеняскэ».

ЦИРК УЛЫБАЕТСЯ,

а он и не может иначе. Разве вы когда-нибудь видели грустный цирк? Потому-то книжка, составленная из карикатур, посвященных цирку, очень веселая книжка. «Собственно, почти каждый рисунок, — говорит в своем предисловии Александр Безыменский, — это своеобразная цирковая реприза... Динамика, острота, экспрессия, лаконизм — качества, присущие и цирку и карикатуре. Есть у них еще одно общее качество — неожиданность. И вот, листая эти страницы с остроумными, неожиданными рисунками, я словно окунаюсь в атмосферу дорогого моему сердцу цирка...»

Нам остается только добавить: если вы любите цирк — а в этом мы не сомневаемся! — вы прочтете книжку «Цирк улыбается» (составитель и художник Николай Елинсон), только что вышедшую в издательстве «Искусство».

ГАЙКА В БИФСТЕКЕ

Старый мастер инструментального завода Денис Корнилович, ужиная в ресторане, обнаружил в бифштеке гайку. Он повертел ее в руках, поднес к очкам и взорвался.

— Безобразие! — закричал он. — Это же...

А когда насмерть перепуганная официантка предложила ему новый бифштекс, Денис Корнилович изумился еще больше.

— При чем здесь бифштекс, — в сердцах сказал он. — Вы, на гайку взгляните: как в ней резьба нарезана? Фаски где, обработка? Это же уродина! Эх, работнички!..

Что делать, уж таков он был, старый мастер, недогадливый клиент. О нем и других таких же недогадливых клиентах, попадающих в самые, казалось бы, невероятные ситуации, с доброй улыбкой рассказывает киргизский сатирик Евгений Тесля в сборнике, который он так и озаглавил: «Недогадливый клиент». Сборник вышел в издательстве «Кыргызстан».

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

Анна Огир!
Возьмите в мажборо
лесию «Перевозке лесной
механики слабейшие» (10 экз)
и раздайте тем, у кого
не хватает *Анна Огир*

(Распоряжение)
Прислал А. Геник, г. Горький.

29²⁰ X 70г. в 11⁰⁰ часов
дня на территории
завода, состоится встреча
со знаменитыми артистами
СССР, желающие могут
встретиться у входа централь-
ных ворот.

администрации.
Прислал В. Умрилов, г. Ижевск.

ОБЪЯВЛЕНИЕ
КРАСНОКОТСКИЙ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ЗАВОД
ПРИНИМАЕТ НА РАБОТУ УДОБАГОТОВЛЕННУЮ, возраст 60 руб.
+ 20% плавной квалификации + 10 руб за обработку
удобами.

администрация
Прислал В. Стрельченко, г. Архангельск.

Ижевск Ярвек — животновод совхоза «Янгир». Добился хороших результатов. В этом году он сверх плана получил семь телат от яловых коров.
Фото О. АДИАНОВА.

Газета «Янгирские зори», г. Янгир.

1971
100 руб
Головки
из окон
Головки
Умега

(Квитанция подписки на журнал
«Человек и закон»)
Прислал А. Николаев, г. Унеча.

Объявление
Ищу квартиру любую
на окраине города.
Обращаться по адресу:
Кр-ск ул. Рубиньера 44 кв.
В любое время

Прислал Н. Соловьев, г. Красноярск.

— Чего бездельничаешь, Левша?
— Блох не завезли...

Рисунок Г. ИОРША

И НА ЭТОМ СПАСИБО!

Ко мне мой друг не завернул
В порядке уваженья.
И целый вечер он вернул
В мое распоряженье.

КОЗЕЛ ОТПУЩЕНИЯ

Сказал Козел,
Что в Волке — корень зла...
Начальник Волк
Не медля съел Козла.
Мораль:
Тут прав не тот,
А кто, кто просто прав,
увы, имеет больше прав.

ЧУВСТВО САМОКРИТИЧНОСТИ

Оно для нас немало значит...
Но —
Когда его не прячем
Под сукно.

ПЕТУХ-ПИТУХ

Как алкоголик и питух
Зело прославился Петух.
Глядишь:
В мгновение ока — сел,
Хлебнул,
Икнул
И окосел.
Он всех собратьев перепил,
Он пропилил голос,
пропилил пыл.
Петух-питух на диво всем
Стал алкоГОЛЕНЬКИМ совсем...

Сергей СМИРНОВ

КОРОТКИЕ БАСНИ

СЕКРЕТ УСПЕХА

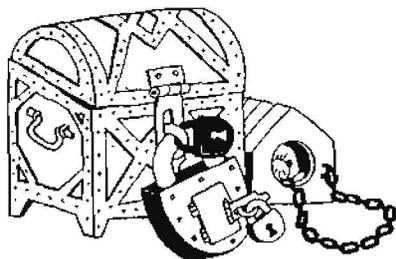
Поет не так,
Бубнит не то,
Но целый зал перед ним
немеет:
Павлин бездарен, как никто,
Зато «подать себя» умеет.

ЖУК-ГУРМАН

Жук нажужокивает,
что:
мед — типичное не то...
Сахар — тоже не того-с...
Мне, Жуку,
подай навоз!

СВЕРХБДИТЕЛЬНЫЙ БАРСУК

Он ждет подвоха
даже от жены,
Сверхбдительным слывет
на всю округу.
— Мы, — говорит, —
проникнуться должны
Здоровым недоверием
Друг к другу.

Рисунки Г. ОГОРОДНИКОВА

ТОТ ФЕДОТ!

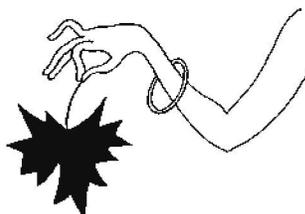
Тут правде соответствует едва ли
Определенье,
Что Федот не тот:
Еще кандидатур не называли,
А он уже
В президиум идет.

КРОВНАЯ МЕСТЬ

Проказил Петушок исподтишка.
Отец Петух одернул Петушка.
Проказник снюх за дверь —
и на мороз.
Стоит без шапки,
Полугол и бос.
— Эй, что с тобой! —
спросил его Барбос.
А тот всерьез:
— Да это в пикку палке —
Пусть мерзнут у меня
Мой гребешок и лапки!.

ЕВА И ДЕВЫ

Прикрылась Ева
Фиговым листом,
А мики-юбку завела
потом.
Есть признаки,
что нынешние девы
Перехлестнут
Экстравагантность
Евы.

Новый год коллектив
лаборатории отмечал по
традиции на квартире
главного инженера Кло-
кова.

Экономист Зайкин
прибыл последним. В ла-
боратории он работал
недавно, традиций не
знал и поэтому застыл,
озадаченный странным
зрелищем.

Сотрудники нетерпе-
ливо топтались в прихо-
жей, ожидая своей оче-
реди, чтобы встать на
весы. Хозяин квартиры
пристально вглядывался
в показания стрелки и
сообщал их своей супру-
ге, которая стояла ря-
дом и отмечала на гри-
фельной доске:

Супруженко	— 87,5
Кобысская	— 102,3
Повозкин	— 78,0
Возианов	— 99,9

Графа называлась «С
каким весом товарищ
пришел». В следующей,
пустовавшей пока, зна-
чило: «С каким весом
товарищ ушел».

— Э-то еще зачем? —
тревожно спросил Зай-
кин у стоящего послед-
ним плановика Зацепина.
— А чтоб видно было,
сколько, значит, това-
рищ наел. Ч-тоб знать,
кого в другой раз при-
глашать.

«Эка коварно задума-
но, — опешил Зайкин. —
И вроде бы смехом, а
по сути-то иезуитство.
Что ж делать-то? Я ж се-
годня специально не
обедал».

Из гостиной тянуло
ароматами праздничного
стола, издевательски ус-
тавленного всевозмож-
ными яствами. Сквозь
приоткрытую дверь про-
сматривались блюда с за-
кусками. Призывно и за-
гадочно мерцали бутылки
различной configura-
ции.

Зайкин приближался к

весам. «Возмутиться нельзя, скажут, юмора не понимает. А какой тут, к черту, юмор! Что делать?»

Решение пришло неожиданно. Под вешалкой лежали трехкилограммовые гантели. «В самый раз», — подумал Зайкин. Мозг экономиста выдал программу: «Напитки — 0,5 кг, закуска... В два с половиной кило надо уложиться». И он сунул гантель под пиджак.

«Зайкин — 75,0», — отметила на доске хозяйка.

...Застолье разворачивалось по всем правилам русского гостеприимства. Сознание своей неуязвимости привело Зайкина в исключительно праздничное расположение духа. Он вовремя положил гантель на место и сейчас с нескрываемой иронией наблюдал за легкомысленными сослуживцами, налегавшими на еду. Сам он уже съел две гусиные ножки, опробовал все закуски, большую часть напитков и, едва сдерживая ехидную ухмылку, злорадно потчевал дам, которые, впрочем, не заставляли себя упрашивать.

Он понимал, что очень важно с самого начала зарекомендовать себя в глазах нового руководства человеком скромным и умеренным. И вот сегодня ему выпало испытание, из которого он вышел так остроумно.

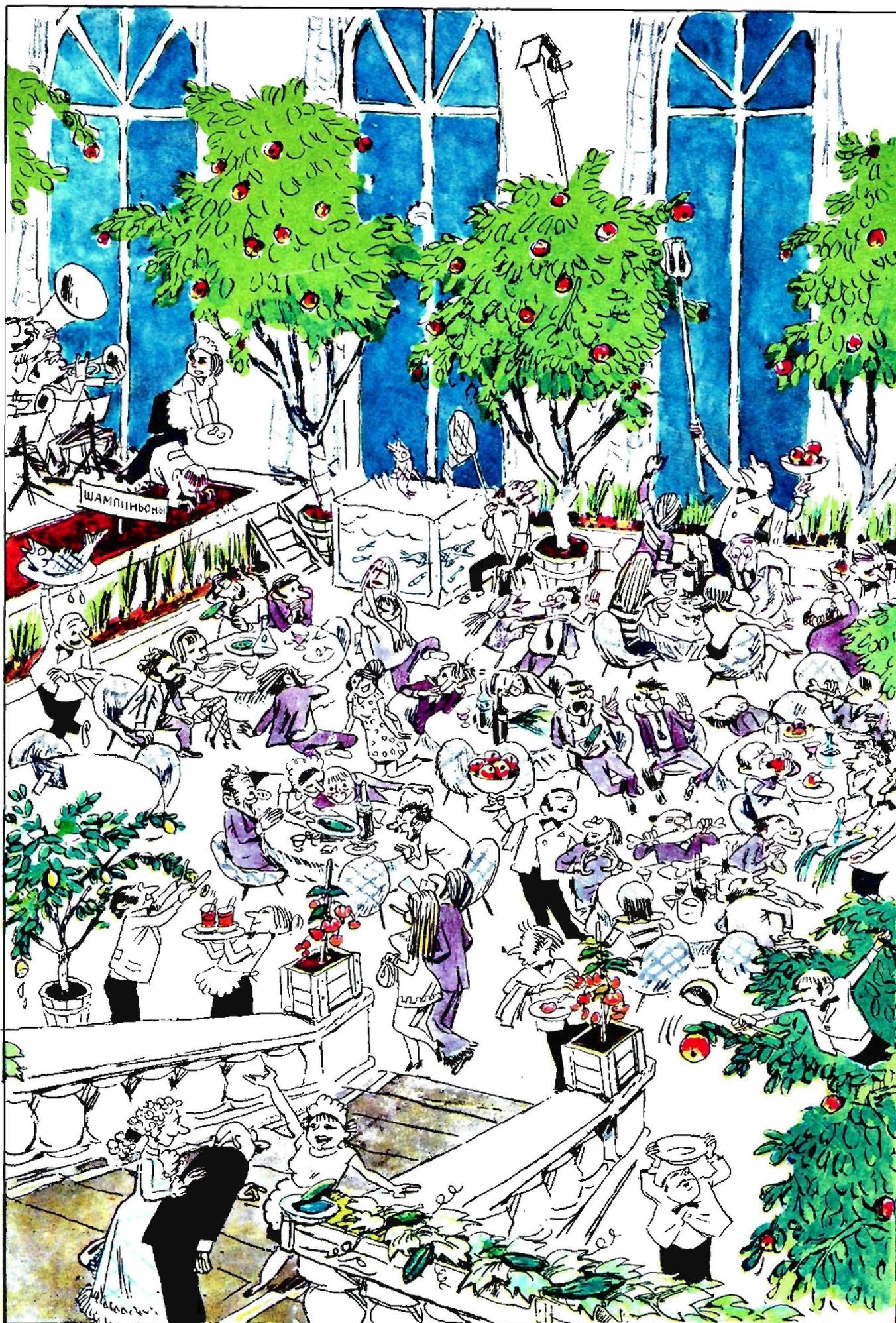
...С трудом поднимаясь из-за стола и тяжело дыша, сослуживцы становились на весы.

— Семьдесят пять двести! — ахнула хозяйка, когда очередь дошла до Зайкина. — Всего двести граммов! — И она с изумлением окинула взглядом фигуру гостя.

...Приближалось 8 Марта. До Зайкина дошли слухи, что вся лаборатория опять собирается на квартире у Клокова. Однако его почему-то никто не приглашал.

Недоумение Зайкина рассеял плановик Зацепин:

— А ты думал как? Перво-наперво, ты хозяйку обидел: делал вид, что ешь, а сам, выходит, ни к чему и не притронулся. Супруга у Клокова самолюбивая. Кроме того, он усомнился в твоих деловых качествах. У Клокова принцип такой — кто не ест, тот не работник. Так что, Зайкин, хоть ты и экономист, а человек недалековидный: сокращение штатов предстоит! На одну треть!

— А мы больше не ждем милостей от овощных баз...

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

Дарил розы, с надеждой поглядывая на шипы.

Не всякий, кто прицеливается, желает попасть в цель.

МИМОХОДОМ

Почтовый перевод иногда выражает больше, чем художественный.

Встречаются идеалисты, которые никогда не работали с душой.

А. ФЮРСТЕНБЕРГ

ПОЭЗИЯ:

ДОВЕРИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ

Липецкая область, г. Усмь, С-ву Д.
Прочитали Ваши стихи:

И вот однажды на рассвете
Пришел домой он на газах,
Одет был в женском берете,
С грошами в трепетных руках.
Перенесла тогда, что можно
Во гневе праведных обид:
Ругалась матерно, безбожно
Во мглу космических орбит.

И удивились: как это до сих пор
ни одна планета не сошла со своей
орбиты?

Комсомольск-на-Амуре, А-ву Н.

Вы пишете:

Тут уж вспомнишь
Все те небылицы
И приврешь слегка,

УЛЫБНИСЬ, ЧИТАТЕЛЬ!

ПА-РО-ДИ-Я

Прочел в № 36 за прошлый год три одинаковых анекдота: красавица уговаривает знаменитость жениться на ней, обещая, что у ребенка будет красота матери и ум отца. А знаменитость сомневается: дескать, а вдруг наоборот? В качестве знаменитостей фигурировали бразильский футболист Тостао, Оиоре де Бальзак и Александр Македонский. Непонятно, куда смотрела редакция?

А. МОКРЫНСКИЙ, г. Пенза.

Не болит ведь поясница,
Смерть так далека.
Отсутствие боли в пояснице —
еще не повод для написания таких
стихов.

г. Псков, А-ву Т.,
заклеймившему парикмахеров.

Клиент приходит в зал фойельный.
Ему стрижельник крикнет: «Стоп!
Внеси сначала, друг забвенный,
Мне за подстрижку сорок коп!»
За сорок коп на стриж сажают,
Голой старается остричь.
Острижку влагой промывает...

Как нам удалось выяснять, сиде-
ние клиентов на стрижках действи-
тельно стоит сорок коп., на канарей-
ках — пятьдесят коп., на попугае
ара — один рубль. За двадцать коп.
можно посидеть на воробье.

**ПО ТОМУ ЖЕ
ПОВОДУ**

**«ПРИБЫЛЬНЫЙ
УТЮГ»**

В № 31 за прошлый год прочитал я заметку под этим заголовком. Упоминалась там алма-атинская гостиница «Казахстан», где с клиентов берут деньги за утюг, которым они не пользовались, но могли бы пользоваться. Так, на всякий случай берут.

И ташкентская гостиница «Ташкент» упоминалась. Там установлено расчетное время — 12 часов: если ты приехал, допустим, в 11 часов, то этот недостающий час считается, как сутки. А если уехал в 13 часов, то и лишний час оборачивается сутками.

Ну, так вот, побывал я недавно в Алма-Ате и оставался в гостинице «Казахстан». Вашу заметку там, видимо, читали и, видимо, из нее узнали о ценном (буквально) почине ташкентцев: теперь и в «Казахстане» тоже существует расчетный час, и я уже за это заплатил (тоже буквально).

А. КОВТУН
г. Целиноград.

ОТ РЕДАКЦИИ: В № 3 «Крокодила» опубликовано сообщение министра коммунального хозяйства Узбекистана тов. С. Зиямова о том, что положение в гостинице «Ташкент» нормализовалось. Надеемся, что этот почин будет без промедления подхвачен и в «Казахстане».

КАК И У НАС!

Совершенно правильно изобразил художник И. Семенов сельского кинемеханика в № 34 за прошлый год. Вот я лично работаю кинемехаником в рабочем поселке, который находится в 100 километрах от райцентра. Кинокартину сюда можно доставить только самолетом, и загружают сразу по десять картин, а если «погода нелетная», сидим по месяцу без работы. А за это нам зарплата не идет. И так, получаем десять кинокартин в месяц, а по плану должны показывать восемнадцать. А их не везут. И у нас простой. Не по нашей вине. Но наказывают рублем именно нас! И такая проблема у всех кинемехаников нашего района.

Т. САВЕЛОВА

П/о Осяткино,
Верхнеотоемского района,
Архангельской области.

Евг. ЗАМЯТИН

Я НЕ ОДИНОК

Вспоминаю

далекое детство...

На ушко
наступил медведь...
И ушел...
И уж не было средства
научиться

хоть как-то петь...

А фальшивить — не очень
вежливо,
и людей смешить
не хочу —

в результате

визита медвежьего
слушать слушаю, но...

молчу.

Прерываю порой
молчание
лишь затем,
чтоб иного певца
критикнуть за ошибку
случайную.

Словом,
плавать учу пловца:
то на чистую воду выведу,
то лавровый суну венок.
Прихожу постепенно

к выводу:

я меж критиков
не одинокий!

г. Уржум.

**Рисунок
В. ШКАРБАНА**

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

— Меняю на шапку!

**Последняя попытка.
Рисунок А. ГРУНИНА**

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

— Нигде не могу подобрать к ней подсвечник!

Марк Твен — репортер

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ В САН-ФРАНЦИСКО

Вчера утром, в 9 часов 50 минут, произошло землетрясение. Есть предположение, что оно было испослано с целью дать встряску съезду демократической партии штата Калифорния; но если это так, то расчет небесной канцелярии оказался неточным, ибо съезд начинался лишь в 12 часов дня. И то ли землетрясение, то ли съезд, а возможно, то и другое, вместе взятое, отравило воздух и пропитало его запахом серы. Если винить в этом один лишь съезд, то мы будем вынуждены констатировать, что демократы дурно пахнут и их присутствие среди нас вредно для нашего здоровья.

(Клеменс и газета «Колл» поддерживали во время избирательной кампании 1864 года кандидата республиканской партии Авраама Линкольна и позицию северян в гражданской войне. Примечание переводчика).

УБЫТОК ВОЗМЕЩЕН ПОТЕРПЕВШЕМУ

Вчера в суде закончилось слушание дела по иску Уильяма Галлоуэя к аптекарю С. Ф. Ричардсу. После двухчасового совещания присяжные заседатели вынесли вердикт: 400 долларов в пользу истца, хотя тот требовал 2500 долларов за вред, причиненный его здоровью: аптекарь приговорил не то лекарство, которое было выписано ему врачом. Впрочем, ответчик не удовлетворен приговором и потребует нового суда. Дело в том, что в 99 из 100 случаев вина за такие ошибки ложится на врачей: они, как и большинство юристов и священников, пишут совершенно немислимыми каракулями. Призовите дюжину экспертов, и каждый прочтает по-своему и будет настаивать и тыкать пальцем в текст. Когда врач пишет сокращенно: «Порошки хинина», — 9 из 10 наипытнейших аптекарей расшифруют это, без колебания, как «Порошки стрихнина», и такое дело кончится бедой; но коли вы обвиняете аптекаря, так подключите к нему и врача. Все человечество обрело бы пользу, если бы издали такой закон, который обязал бы докторов называть состав лекарств в рецептах полностью.

«КЛЕМЕНС ИЗ ГАЗЕТЫ «КОЛЛ», МАРК ТВЕН В САН-ФРАНЦИСКО» — так озаглавлена книга, недавно изданная в США. Она содержит около 200 фельетонов и статей Сэмюэля Клеменса (Марка Твена), работавшего на заре своей литературной деятельности репортером.

В автобиографии, которую при жизни Твен не разрешил печатать, он рассказал, как рыскала репортерская братия по Сан-Франциско, собирая новости о политических скандалах, драках, грабежах и убийствах, о наводнениях, пожарах и прочих бедствиях. Набегавшись до поздней ночи, Клеменс брался за перо и, как он говорит, «размазывал собранную грязь на бумаге». Это был ненавистный ему труд, и все же его корреспонденции носили уже в ту раннюю пору черты самобытного таланта. Тем не менее редактор был недоволен своим репортером и скоро уволил его. «Первый и единственный раз в жизни меня выгнали с работы, и я до сих пор переживаю эту обиду, хотя я лежу в могиле», — признается Твен в автобиографии.

Многое из того, что печаталось в «Колл», за давностью утратило значение, но известная часть собранного в книге может и поныне служить образцом сатирического газетного репортажа. Мы лишили бы поклонников творчества Марка Твена удовольствия, если бы не воспроизвели несколько корреспонденций из этого сборника. Тем более что недавно исполнилось 135 лет со дня рождения великого американского писателя.

Пусть пишут по-латыни, пусть даже по-фиджи, но надобно выводить буквы так, чтобы было видно, что они хоть один день в своей жизни сидели за школьной партой.

ИНТЕРЕСНОЕ ЗАНЯТИЕ — СУТЯЖНИЧЕСТВО

Город Сан-Франциско переисходил весь мир по части новшеств, но изобретательность, которую проявляют его граждане в отдельности, — это явление сверх-особое. Мы не стараемся производить у себя то, чем могут снабжать нас другие страны. У нас имеется громадное количество материала иного рода, и, хотя об-

работка его требует колоссальной затраты сил, мы это делаем с величайшим рвением.

Наше фирменное блюдо — сутяжничество. Жители Калифорнии поднимают такие невероятные вопросы и пользуются такими способами юридического крючкотворства, какие были отменены еще в древнем мире, когда писал свои творения Юстиниан и воевал Агамемнон. Иски, всех и не перечислишь! Некий обыватель имеет зуб против соседа (а найдутся ли такие обыватели, которые не имеют!), и он отправляется в полицейский суд с жалобой на то, что этот сосед ест репчатый лук за завтраком, что, естественно, имеет к нему такое же отношение, как титульный лист словаря Уэбстера. К тому же он тянет вереницу свидетелей, осведомленных обо всем на свете, кроме одного: существа склоки. Неутомимые адвокаты заставляют свидетелей просвещать суд подробными извлечениями из истории прошлого века...

У нас в ходу только гражданский кодекс законов. Часть наших законов только именуется уголовными. Законов же, карающих преступность, у нас нет. Вы можете зарезать человека, убить из пистолета, заколоть кинжалом, и самое неприятное, что вас ждет, это обвинение в тайном ношении оружия; убийство же рассматривается как всего-навсего усугубленное обстоятельствами оскорбление действием.

Мы бросаемся судиться инстинктивно, подобно тому, как утка бросается в воду плавать. Человек не может копнуть лопатой песок, не смеет оградить забором свой участок, — ему тотчас же скажут, что там когда-то проехала чья-то телега, и его поволочут в суд, приписывая ему незаконные действия. Наши судебные учреждения завалены тяжбами, вызванными враждой, личной местью, мелкой завистью, а ко всему, сложностью получения справок. Три четверти своего времени судьи заняты выслушиванием споров старых баб и разных свидетельских показаний, за которые самих свидетелей не мешало бы посадить в тюрьму... Мы народ сутяжников, и что ни день, то становимся все хуже.

Перевела с английского
В. ЛИМАНОВСКАЯ

КРОКОДИЛ

№ 5 (1979)

ИЗДАЕТСЯ
С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

журнал
выходит
три раза
в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: А. Алешин, Г. Андрианов, М. Вайсборд, О. Ведерников, А. Грунин, Г. и В. Караваяевы, В. Сафонов, Н. Станиславский, Ю. Узбяков, Е. Шабельник, В. Шкарбан.

НАШ АДРЕС
МОСКВА А-15 ГСП
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД
Д. 14
ТЕЛЕФОНЫ:
250-10-86
253-34-37

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
[зам. главного редактора]
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ФИМОВ
В. Д. НАДЕИН
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМЕРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Н. И. ШТАНЬКО
Е. А. ШУКАЕВ
[художественный редактор]

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 1/II 1971 г.
А 00517. Подписано к печати 9/II 1971 г. Формат бумаги 70×108¹/₈. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 усл. изд. л. Тираж 5 000 000 экз. (5 завод: 4 679 401 — 5 000 000) Заказ № 1294
Фотоформы изготовлены в ордена Ленина типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, А-47, ул. Правды, 24. Отпечатано в типографии «Уральский рабочий», г. Свердловск, проспект Ленина, 49.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Перед сном дочь делится с матерью:

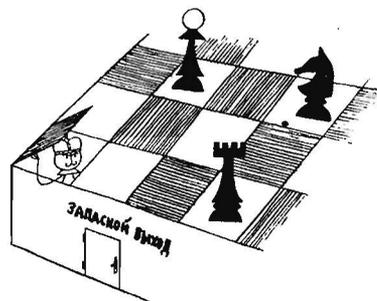
— Знаешь, мама, мистер Джеммиссон сказал, что любит меня и подарит мне золотое кольцо с изумрудом. Как ты думаешь, можно ему верить?
— Да, доченька. Верь словам, но бери в залог ценности.

Соседка по купе говорит пожилой величественной американке:
— Ваш мальчик ведет себя вульгарно.

— Да?
— Он хлещет виски, курит сигару и волочит за проводницей.
— Ничего страшного, пусть немного побалуется.
— Понимаю, вы так говорите, наверное, потому, что это ваш внук.
— Выбирайте выражения, сударыня! Это мой муж.

Миссис Джойс написала в редакцию письмо следующего содержания:

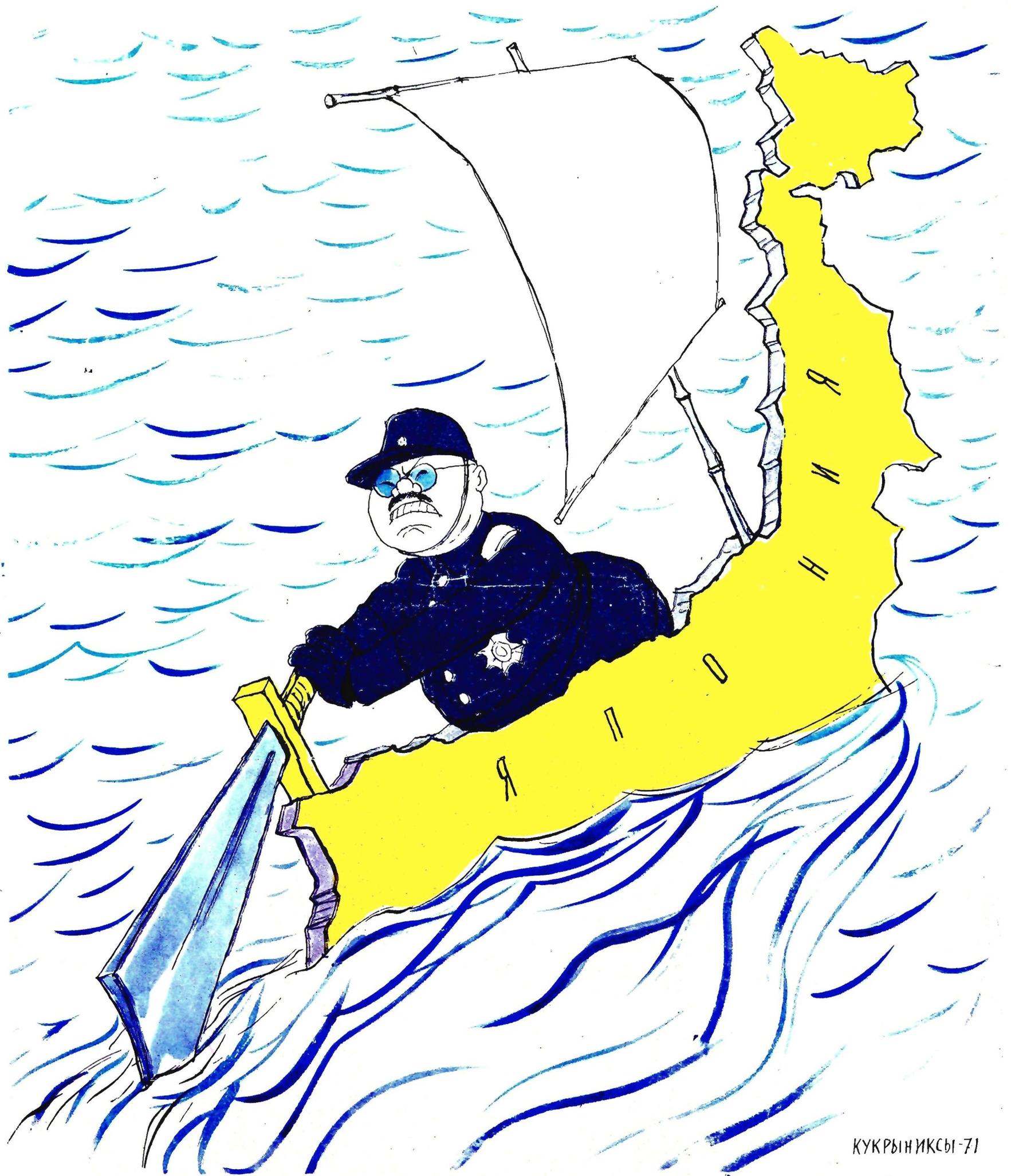
«Мой сосед купил мощный приемник, и теперь я не могу спокойно уснуть. Что мне делать? Как выразить ему свое возмущение?»
Редакция ответила:
«Купите передатчик».

«Дейли миррор». Лондон.

Цена номера 15 коп.
Индекс -70448

ОПАСНЫМ КУРСОМ

КУКРЫНИКСЫ-71

Право руля...

Рисунок КУКРЫНИКСЫ